Константин Томилов

Последний день ПРЕЛОМЛЕНИЕ

16+

ИСТОРИКО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Константин Томилов

Последний день. Преломление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55513838
SelfPub; 2022

Аннотация

Историко-фантастическая версия библейского сюжета. Суд над Иисусом Христом в резиденции прокуратора Иудеи Понтия Пилата, Крёстный Путь и Распятие Спасителя. Авторский замысел представляет собой мучительную попытку осознать – как все эти события происходили в реальной действительности.Содержит нецензурную брань.

Константин Томилов
Последний день. Преломление

(Апология)

Посвящается моей первой учительнице Анастасии Петровне, женщине, которая научила меня читать и писать. Её любимой фразой было: «Смотришь в книгу, а видишь фигу!!!» И хрясь деревянной указкой по башке…, толстенной такой. А потом ещё за волосы и носом в букварь раз!, два!

ЗАМЕС

Толкование:

Апология – развлекательная речь адвоката, представляющего интересы заведомо выигравшей дело, правой по закону стороны. Произносится на потеху публике, чтобы создать видимость хоть какого-то судебного состязания, и хоть как-то оправдать заранее оплаченный, невозвратный, непомерно громадный гонорар. Так как, никак не влияет на исход дела, представляет собой смесь ахинеи и дикого бреда.

Эпиграф.

"Вначале было Слово. И Слово было Бог. И Слово было у Бога".

Толкование:

«А ты, сына, чего в углу и ревёшь?»

«А я, пап, сегодня в школе новое слово из трёх букв узнал, хотел маме сказать, она слушать не стала, сразу по попе надавала и в угол поставила. А потом бабушка пришла…»

«Ну, ну и чего бабушка?»

«А бабушка ещё и по губам, а потом ещё и по попе!»

«А какое слово ты узнал, сына?»

«Мир, пап, слово мир».

«Ага…, ну ты, сына, сходи пока погуляй подольше. Можно. Можно. Конечно можно. Ты ж знаешь, что папа в доме главный. А я пока с мамой и с бабушкой поговорю…»

Предупреждение!!!

Все описываемые мною события являются вымышленными, высосанными от безделья из пальца. То, что происходило в реальности запечатлено в Евангелиях Нового Завета.

Предисловие.

Инструкция христианина о правильной подаче про-

шений Царю Небесному.

Поскольку Христос заповедовал нам, дал чёткое и ясное указание, что напрямую к Престолу Отца мы имеем право обращаться только с молитвой "Отче Наш", а все остальные просьбы и нужды только через Него: "Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Иоанна;14:6), то именно этому и следует повиноваться. Следовательно: когда накопилось, достало, проблемы, неустройства и сколько уже можно?!, доколе?!, смело идите к Нему на приём. Соберите всё, что желаете высказать, лучше на бумаге написать, чтоб была так сказать полноценная челобитная, закрываемся в одиночку в комнате и вперёд. Мысленным взором представляем дверь. На двери табличка: "Иисус Христос, Сын Божий, Царь Царей, Первосвященник". Нам сюда. Решительно открываем дверь. Идти недалеко, всего два-три шага по камням Голгофы и мы перед Крестом. Ну, а теперь стоя у истекающего кровью Спасителя, глядя прямо Ему в глаза, излагайте все свои проблемы, недовольства, претензии. Не знаю, получится ли у кого-либо. Лично я, задыхаясь от стыда, не смея поднять глаз, смог только прохрипеть: «Господи, прости».

ПРОБА

Глоток 1.
«Господин».

«Чего тебе?» – раздражённо процедил Пилат.

«Иудеи заплатили экзекуторам, чтобы они забили плетьми того назареянина насмерть».

«Зачем?!»

«Боятся, что ты освободишь его как говорил им».

С лицом, перекошенным от дикой головной боли и раздражения от всего происходящего в этот день, Пилат поковылял во внутренний двор.

Палачей уже предупредили. Они поспешили надеть на Христа хитон, чтобы попытаться как-то скрыть нанесённые ими увечья. Терновый венец правда никто снять даже не пытался, не желая "мараться" об какого-то иудея. Спаситель стоял полусогнувшись, в полубессознательном состоянии, его била крупная дрожь. Многоопытному Пилату было достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что произошло. Презрительно сощурившись на экзекуторов, обмирающих от страха осознания своей вины перед прокуратором, коротко рубанул: «Под арест обоих».

Резко кивнул головой, дав тем самым знак солдатам, чтобы они следовали за ним, волоча осужденного под руки.

Иудеи, притащившие назареянина, расположились группками, находящимися в постоянном движении, гоношась как на базаре. При виде прокуратора всё стихло. Пилат, молча, сам, развернул назареянина спиной к иудеям, отточенным движением вытянул короткий римский меч, перерезал верёвку стягивающую хитон по поясу, вбросил меч в ножны.

Пристально обведя взглядом замершую толпу, повернулся к Спасителю и сам закинул хитон ему на голову, обнажая узувеченное бичеванием тело. Загнанные в дальний угол двора сторонники назареянина ахнули, взвыла мать, почувствовав его боль как свою, большая часть толпы потупилась раздираемая противоречивыми чувствами, и лишь стоявшая ближе всех элита синедриона смотрела с явным довольством.

Устремив на толпу взгляд знакомый ветеранам, прошедшим с Пилатом не одну военную компанию, так прокуратор смотрел на противника перед боем, набрав полную грудь воздуха он рявкнул голосом от которого пробивала дрожь даже повидавших многое легионеров: «Вы что, совсем охренели?!»

Толпа присела как от удара хлыстом, даже мать назареянина стихла захлебнувшись плачем. Только верховный жрец со своим тестем не дрогнули. Гордый старикашка даже ещё выше вздёрнул свою бородёнку.

Каифа сделал несколько шагов вперёд, подойдя к самым ступеням на которых стоял прокуратор: «Господин, ты напрасно стараешься спасти ему жизнь, это совсем не в твоих интересах. Поверь мне, этот человек совсем не безобиден, как ты о нём думаешь. Я священник моего народа из рода в род, многие столетия, и знаю историю своего народа наизусть. И знаю, что много раз в истории моего народа, такие вот как бы безобидные пророки, приносили наибольшие бедствия не только моему народу, но и тем, кому мой народ

был подвластен в те времена. Подумай, господин, зачем тебе сохранять жизнь этому человеку? Тем более, после такого бичевания он уже всё равно не жилец. Кто тебе больший друг: этот самозванец, называющий себя иудейским царём или римский кесарь?»

Пилат поморщившись, процедил сквозь зубы: «Ну и?»

«Надо уничтожить эту заразу в корне, пока она ещё не так разошлась в моем народе» – Каифа смотрел спокойно и безбоязненно.

Пилат взглядом отдал приказ солдатам и они утащили осуждённого. Повернувшись к рабу, стоявшему наготове с медным тазом и смывая с рук кровь Спасителя, которая осталась на руках когда прокуратор задирал хитон, спросил у Каифы: «Полностью уверен в том что говоришь?»

«Абсолютно и несомненно».

Прокуратор вытер руки поданным рабом полотенцем. Всё ещё держа полотенце в левой руке, указательным пальцем правой почти ткнув в горбатый нос Каифы, спросил: «Берёшь на себя ответственность за все последствия этого дела, так?»

Не моргнув глазом, первосвященник прорёк: «Как первый в народе своём, обязанный перед Богом хранить и сохранять в чистоте мой народ, всю ответственность принимаю на себя, род свой, колено своё и народ свой».

Пилат кивнул удовлетворённо: «Ты сказал». Обернулся

вправо и посмотрел на писца склонившегося над низким столиком. Тот кивнул, подтверждая, задокументировано.

Пилат пригнулся и глядя прямо в угольные глаза первосвященника спросил: «А теперь без протокола. Скажи мне, чего вы ссыте из-за этого назареянина? Я узнал про него, что это всего лишь бродячий фокусник и шарлатан, пьяница как и его дружки, которые разбежались как только твои слуги пришли взять его. Что в нём царственного, что вы все так обосрались от страха? Он даже на шакала-разбойника не тянет, не то что геройского воина. И уж поверь мне я знаю, о чём говорю».

Каифа прокашлялся и засипел полушёпотом: «Господин, я понимаю, мы задели твою гордость и признаю свою вину, что не сообщили всё раннее. Всё серьёзнее, намного серьёзнее, чем сообщили тебе твои доносчики. Этот назареянин учил народ: что он не просто царь, но Сын Бога и сам Бог, что тот, кто примет учение его, станет таким же как он, сможет обходиться без денег и не работать, а всё необходимое для жизни получать чудесным образом прямо из воздуха. Мало того, последователи его, принявшие учение его во всей полноте, станут бессмертными. И даже если их убить они будут воскресать на третий день после смерти».

Пилата как кипятком обдало. А вот это уже серьёзно. Деньги и страх смерти два столпа, на которых строится любая государственность. Первооснова власти. Невозможно даже представить себе на что способны фанатики уверенные

в своём бессмертии и бесполезности золота.

«Что ты предлагаешь?»

«Надо обеспечить показательную смерть, чтобы ни у кого не было сомнений, и надежную охрану трупа в течении трёх дней, чтобы этот сброд не смог его выкрасть и объявить воскресшим. Господин, рассуди сам, если бы всё не было так серьёзно, неужели мы сами не уладили бы это дело? Достаточно двух золотых монет, чтобы найти желающего, который бы удавил ублюдка по тихому».

«Он что незаконнорождённый?» – удивлённо вскинул брови Пилат.

«Муж его матери взял её уже брюхатой и вместо того, чтобы по закону наших отцов вывести потаскуху на площадь для всенародного осуждения, оставил своей женой, да ещё и настрогал кучу подобных себе выродков».

«Полагаю, что твои слуги ненадёжны?» – спросил Пилат, почему-то посмотрев на тестя Каифы. Старик прикрыл глаза и кивнул в знак согласия. "Даже разговаривать со мной не желает козёл вонючий", подумал прокуратор. «Хорошо. Займусь всем сам» – бросил уже через плечо, поднимаясь по ступеням.

Глоток 2.

Войдя в свой кабинет, сел и глубоко вздохнув прохладным воздухом, не оборачиваясь посыльному: «Валлия ко мне».

Валлий сотник личной гвардии прокуратора прибыл тут же, как будто чувствовал, что нужен своему господину.

"Мой верный пес", улыбаясь одними глазами, подумал Пилат. Сотник, несмотря на свой громадный рост, двигался грациозно и уверенно, как матёрый волк. Остановившись в шаге от прокуратора, опустился на правое колено, опершись обеими руками на тяжёлый боевой меч, висящий у левого бедра. Слегка склонив голову Валлий, молча, смотрел на Пилата, стальные холодные глаза, преданно устремлённые на него, были умны и внимательны, видимо его уже известили о серьёзности предстоящих событий.

«Возьмёшь двадцать легионеров из своей сотни и пешим ходом сопроводишь назареянина на гору. Ещё пятьдесят пусть следуют конными разъездами по десять, вокруг, по соседним улицам. Проследишь, чтобы всё прошло без волнений. Любые попытки спровоцировать беспорядки пресекай сразу. Зачинщиков убивай на месте. А я пока подумаю, как обеспечить охрану трупа и нашу безопасность».

Прокуратор замолчал. Сотник продолжал стоять и внимательно смотреть на своего господина, чувствуя, что сказано не всё.

"Наверное, только один он меня так понимает", мелькнула мысль у Пилата.

«Не подведи меня, кесарь и так уже предупреждал дважды. Ещё один серьёзный, длительный бунт и нас…» – наместник медленно провел согнутым большим пальцем левой

руки по горлу. Валлий хмыкнул, так преторианцы перерезали горло провинившимся чиновникам прямо в кабинете кесаря.

«Жена ещё с утра истерику устроила из-за этого иудея» – скривился Пилат, «насочиняла…, сон какой-то вроде бы ей приснился, якобы не надо убивать его, я ещё сдуру пообещал…, наверняка на самом деле, кто-то из этих хитрожопых иудеев подкупил одну из служанок, а та ей в уши и надудела, зная её жалостливость к этому сброду».

Валлий пожал плечами: «Ну, кто знает…, всё может быть». Во взгляде сотника не было ни осуждения, ни насмешки к старому мужчине, балующему свою молодую жену.

Пилат улыбнулся, положив правую ладонь на шею сотника, провел большим пальцем по щеке: «Действуй. И будь крайне сосредоточен. У меня противоречивые сведения об этом человеке. Одни говорят: что он фокусник и шарлатан, другие, что могущественный маг и колдун. Но за всю свою жизнь, я не встречал ни одного жреца местных божков, который смог бы противостоять громовому молоту Юпитера и незатупляющемуся мечу Марса».

Валлий встал, держа левую руку на рукояти меча, кулаком правой слегка стукнул себя по груди: «Сделаю всё возможное и невозможное».

Глоток 3.

Валлий стремительно шел по коридорам дворца, направляясь во внутренний двор. От возбуждения перед предстоящим делом кровь играла в жилах здорового тела сотника, попадающиеся ему навстречу, люди казались Валлию медленно плывущими в тяжёлой воде. Эта его феноменальная способность, так воспринимать реальность в минуты опасности, много раз спасала жизнь сотника в битвах, когда на заваленных горами трупов полях, обезумевшие от крови воины рубили направо и налево, не разбирая, где свои, где чужие. Но, ожидавший Валлия во внутреннем дворе, его лучший десятник Корнилий, по скорости реакции намного превосходил сотника. Валлий даже иногда, одобряя отлично справившегося с порученным делом Корнилия, называл его Рыжая Молния. Такой "титул" он присвоил десятнику после похода в Александрию, куда Валлий с легионерами своей сотни сопровождал жирного богача грека, выполняющего какое-то поручение Пилата. Наместник тогда был также чрезвычайно напряжён, сотнику было предписано доставить грека туда и обратно так, чтобы волос не упал с его головы. Валлий осознавая ответственность, взял с собой лучших из лучших. Поездка тогда прошла спокойно и довольно скучно, и, наверное, давно б уже забылась, если бы не произошедший поединок.

В Александрии жирный грек целые дни проводил в беседах с приходившим к нему странным пожилым человеком

неизвестной сотнику народности. Его белоснежный головной убор из многократно накрученной на голову ткани, резко оттенявший иссиня-смуглую кожу, не мог скрыть от внимательного взгляда Валлия странно длинный череп. Сотник никогда ранее не встречал людей похожих на гостя. Сопровождали его два телохранителя свирепого вида, с ног до головы увешанные оружием, в основном кривыми кинжалами различной длины и ничем кроме одежды не похожими не своего господина.

Жирный грек и его странный гость целые дни проводили в беседах на тарабарском языке, сидя рядом друг другом, читая то вместе, то порознь какие-то свитки. Часто это занятие прерывалось на трапезу; грек обожал пожрать, гость ел мало и неохотно; беседа тогда шла на греческом, но это был обычный застольный трёп. Спор между греком и его гостем произошёл в предпоследний день пребывания в Александрии во время ужина. Сотник давно уже перестал слушать и воспринимать о чём говорили собеседники во время еды, поэтому предмет спора, во время которого грек хохотал тряся огромным животом и махая отрицательно головой и руками в ответ на спокойные уверения гостя, стал известен лишь утром.

«Вчера вечером» – рассказывал грек, «по причине того, что мы с моим визави удачно поладили и разрешили все вопросы к обоюдной выгоде, я за ужином немного перебрал вина, что и послужило причиной возникшего спора. Он както рассказывал мне, что его страна кишит змеями, от них нет

спасения даже во дворцах. Поэтому в качестве домашних животных они держат зверьков способных с лёгкостью расправляться с этой опасностью. Зверьки эти преданы своим хозяевам до самозабвения. У его дочери есть такой. Он, как я считаю, прихвастнул, что зверек его дочери может расправиться с десятком змей одновременно. Я возразил, что это может быть и возможно против одной, двух, ну трёх змей…, но против десятка… В общем, мы поспорили на энное количество золота» – подмигнув сотнику, грек вполголоса назвал сумму, «и сейчас нас ждёт увлекательное зрелище».

Глоток 4.

Грек поёрзал на подушках, которыми рабы застелили высокий помост наглухо закрытого со всех сторон двора и смачно пёрнул.

Внизу рабы быстро устанавливали на песке соломенные щиты, огораживая замкнутое пространство шагов десять на тридцать. Появились змееловы с корзинами, главный из них недолго поторговался с греком. С противоположной стороны огороженного пространства замаячил странный длинноголовый человек. Между телохранителями виднелась вся закутанная в ткани женщина. Из под многослойной одежды видны были только изящные смуглые кисти рук, увешанные позванивающими браслетами и темно-карие глаза горящие горделивой яростью. Певучим голосом сирены она о чём-то спорила с мужчиной. Грек поприветствовал гостя на тара-

барском языке. Последовал недолгий диалог во время которого женщина смотрела на грека с невероятной ненавистью.

«Девушка не хочет рисковать своим зверьком, но он сейчас всё уладит» – пояснил грек Валлию.

«А если он пожалеет свою дочь и откупится от спора, выплатив сумму проигрыша?»

«Нет, этого не произойдет, для него, как впрочем, и для меня, это мизерные деньги. Здесь, мой дорогой, речь идет о *a materia principium*(лат.).»

Валлий скрипнул зубами от внезапного гнева, речь шла о годовом жаловании легиона. Стоящая напротив группка людей пришла в движение, свирепые телохранители подтащили сопротивляющуюся девушку и втолкнули в огороженное пространство. Во время борьбы с мужчинами, покрывало девушки, закрывавшее голову и лицо, упало на землю. Жирный грек с хрипом и сопением вскочил на ноги. Смуглое лицо девушки поражало своей нереальной неземной красотой, мягкие правильные черты лица, бархатистая холеная кожа, чувственные губы, длинные ресницы. Густые, черные, гладко зачесанные волосы были заплетены в две толстые косы.

Змееловы, предупрежденные заранее о планах действий, не обращая особого внимания на красавицу, начали выбрасывать змей из корзин на огороженное пространство. Нахлёстываемые длинными кнутами змееловов, кобры яростно зашипели. Откуда-то из складок одежды девушки появилась маленькая рыжая головка, черные глазки зверька светились

невероятным для такого маленького животного умом. Девушка ласково залопотала и попыталась удержать выскользнувшего из ее рук зверька. Рыжий сделал несколько плавных прыжков к ползущим навстречу гадам. Почуяв грозного противника змеи остановились, приподнялись, и с шипением расправили свои капюшоны. Зверёк, повернувшись к противнику боком, изогнулся греческой омегой, затряс распушившимся до невероятных размеров хвостом и исчез… Спустя несколько секунд всё было закончено. Весь десяток гадов крутился на песке в смертельной агонии. Зверёк неспешно подскакал к девушке, одним прыжком вскочил на плечо, потерся головой о заплаканную щеку и юркнул куда-то за спину.

Грек разочарованно вздохнул: «Ну, это конечно магия. Но за такие деньги представление могло быть и поинтересней».

Валлий в силу своей феноменальной реакции был с ним не согласен, он увидел что происходило. Но скорость движений зверька шокировала даже его.

«Это было прекрасно! Рыжая молния!»

Валлий оглянулся, бледный как снег Корнилий весь дрожал от возбуждения. Сотник понял, что его лучший легионер, увидел битву во всех деталях.

Глоток 5.

Корнилий ждал сотника на крыльце внутреннего двора, пританцовывая от избытка сил, как застоявшийся жеребец.

«Сейчас дуй в казармы, возьмешь своих и десяток Ювентуса. Мы пойдем пешими налегке. Ещё пятерых, на свое усмотрение, в тяжелом вооружении отправишь на лошадях конными дозорами вокруг нашего конвоя. Предупреди их, чтобы не расслаблялись, передвигаться быстро, любых агрессоров убивать на месте. Здесь во дворце оставь троих самых башковитых, способных в случае необходимости принять командование над местным сбродом».

Десятника как ветром сдуло. Валлий удрученно вздохнул. Как сейчас не хватает здесь хоть и сильно потрёпанной в боях, втрое меньше обычной численности, конницы родного Тринадцатого легиона, отосланной наместником на подавление восстания греческих поселений недовольных увеличением римских налогов. По последним известиям обе гвардейские центурии находились в двух днях пути конным ходом. Даже если прокуратор пошлет гонца немедленно, конники авангарда будут у города только к вечеру третьего дня. Поздно… На малообученный сброд, нанятый из местного населения, надежды никакой. Реально противостоять городскому бунту сможет только сотня Валлия, но им не продержаться три дня в беспрерывном бою. Пройдя мимо, даже в новом обмундировании, неряшливо выглядевших, местных солдат, охранявших вход в дворцовые казематы, сотник оглянулся, внимательно осмотрел охранников и покраснев от злости харкнул на землю. "Деревенщина. Не бойцы, а недоразумение. Из них солдаты как из говна пуля." Под ноги

сотника бросилась бродячая псина, вылизывавшая забрызганные кровью Спасителя камни, норовя проскочить мимо него на выход. Мощный пинок сотника отбросил пса к месту экзекуции. От удара об столб позвоночник собаки переломился, истошно скуля псина поползла в тёмный угол двора. Из дверей тюремного помещения на шум выглянул подмастерье палача, увидев Валлия, ощерил в подобострастной улыбке гнилые редкие зубы.

«Распорядись, чтобы убрали падаль и вообще навели порядок, развели тут бардак». Орудия бичевания валялись на залитых кровью камнях, где их побросали перетрухавшие экзекуторы.

Глоток 6.

Резко отбросив, закрывавшую вход в тюремное помещение, дерюгу Валлий шагнул в душное вонючее помещение. Внутри сидели и негромко разговаривали: палач, вернувшийся недавно с горы, где он с подмастерьем с утра прибивал к распятиям двух осуждённых, плешивый кастрат казначей, закончивший оформлять в казну изъятую у провинившихся экзекуторов взятку и делавшего какие-то пометки в своих бесконечных подсчётах и переводчик, сидевший на низкой скамеечке и отмывавший кисти в грубой глиняной чашке. Эту троицу связывала какая-то странная дружба; особо ценимые Пилатом за свое мастерство, привилегированные; они частенько сидели вечерами на угловой терра-

се внутреннего двора, прихлёбывая вино и ведя неторопливые беседы. Иногда к ним присоединялся прокуратор, и тогда беседа затягивалась глубоко за полночь.

«Свой процент тоже сдал в казну?» – пошутил сотник, обращаясь к палачу.

«Оплаченную отдельно работу, я всегда делаю сам» – равнодушно ответил тот, «и если за смерть заплачено, нечего зря мучить человека. Мне хватило бы и половины тех ударов, которые сделали эти косорукие недоноски, чтобы отправить этого бедолагу к Плутону». Палач кивнул в тёмный угол, где брошенный туда солдатами Спаситель, полусидел-полулежал, часто и неровно дыша.

«А за те гроши, которые были заплачены этими иудейскими скупердяями, я и пальцем не пошевелю. Мне казённых обязанностей хватает. Только что пришел с горы и теперь опять туда с тобой тащиться».

На улице послышалось звяканье и плеск воды. Взвыла добиваемая собака. Подмастерье наводил порядок. Потом отогнув дерюгу он вякнул вызывая переводчика на улицу.

«Он до горы то дотянет?» – спросил Валлий палача.

«Кто его знает… Так-то вообще не жилец».

С улицы послышался взбешённый визг старой бабы. Валлий отодвинул дерюгу и выглянул во двор. Перед спокойно стоящим переводчиком, брызгая слюной, орал и корчился от ярости верховный жрец. Крутясь на месте, он то и дело ты-

кал указательным пальцем в сторону таблички с чернеющими на ней буквами.

«Пошел на хер, как написал, так и написал» – ровным голосом отчеканил переводчик по-гречески. Развернулся и согнувшись прошмыгнул под рукой сотника в помещение. Жрец от никогда не слыханного им ранее оскорбления заткнулся и дёрнулся всем телом так, будто и в самом деле дюжий мужеложник с размаху вставил свою "дубину" в его задний проход. Несколько раз судорожно вздохнув, жрец засеменил к выходу со двора.

Валлий посмотрел на прислонённую к освещённой солнцем стене, состоящую из трёх скреплённых между собой пазами досок, табличку. Буквы, нанесённые кистью на влажные, очищенные и отмытые от предыдущего приговора, доски немного растеклись, но были читаемы. "Иисус Назареянин Царь Иудейский", прочитал сотник верхнюю латинскую надпись.

Шагнув назад в помещение, спросил переводчика: «На других наречиях тоже самое написано?»

«Конечно»

«Смотри, нажалуется он на тебя Ироду, достанется тебе "на орехи"».

Палач и казначей, внимательно слушавшие их диалог, захохотали. Переводчик закончил мыть кисти, положил их сушиться на мешковину и лукаво улыбаясь, посмотрел на Валлия: «Ты хорошо сказал, центурион. Я оценил твою шутку.

Высшая похвала».

Палач с казначеем заржали еще громче, сотник и сам стал похохатывать, даже сдержанный переводчик немного посмеивался. Ни для кого из них не было секретом, что стоит переводчику, который был руководителем тайной канцелярии прокуратора, только лишь моргнуть глазом, как этого шута, называющегося царём Иудеи, удавят его собственные слуги.

Глоток 7.

Пилат сидел, упершись лбом в сжатые кулаки, поставленных локтями на письменный стол, рук.

На самом деле положение было намного хуже, чем знал об этом Валлий. Даже, если собрать все пешие сотни, расквартированные по провинции и оперативно перебросить их к городу, в случае бунта подавление восстания затянется в многодневную мучительную бойню. Тринадцатый легион давно уже не оправдывал своего блистательного титула. Пешие сотни больше чем наполовину состояли из нанятого местного населения, способного только к исполнению хозяйственных нужд. В некоторых десятках ветеранами были только деканы. По своему же многолетнему опыту Понтий знал, что для усмирения взятого приступом или бунтующего города, нет ничего лучше, чем разделенная на десятки римская конница. Перемещаясь быстрыми бросками по залитым кровью улицам, конные разъезды разрывают на куски поверженный город, как стая волков, изголодавшаяся по-

сле долгой зимы, яростно рвёт загнанное ими животное. Сея кровь и ужас среди населения захваченного города, римские всадники ломают сопротивление в считанные часы. Но по вчерашнему донесению гонца конница наместника находилась не менее чем в пяти днях ходу. Успешно подавив греческое восстание, обе центурии разделившись, шли карательным рейдом по приграничным провинции районам, население которых осмелилось поддержать греческих поселенцев, оставляя кровавые раны на месте варварских городков.

От дверей, ведущих в покои наместника, послышалось жалобное блеяние ягнёнка: «Господин…, госпожа…» Пилат обернулся. Полусогнувшись в поклоне, дрожа всем телом от страха, там стояла горбатенькая рабыня его жены. "А вот и возможная причина утренней истерики", подумал Пилат. Почувствовав тяжёлый взгляд многолетнего убийцы, для которого жизнь раба стоила только тех сестерциев, которые были за него заплачены, служанка описалась. Не раз и не два, за свою недолгую жизнь, девочка видела, как взбешённые хозяева убивали провинившегося раба, походя, словно назойливую муху. Онемевшие от страха ноги рабыни подкосились, чтобы не упасть она ухватилась обеими руками, за находящуюся слева от неё, портьеру закрывающую проход в покои прокуратора. От этого движения Пилат будто очнулся, резко встав, он быстро прошагал мимо мокрой от холодного пота служанки. Девочка облегчённо вздохнула, "как хорошо, что у меня сегодня первый день "женских дел", иначе

на полу была бы лужа и он меня точно прибил." Горбатую некрасивую рабыню, красавица Клавдия держала при себе по причине её доброты и скромности. Сама отличающаяся крайне нехарактерным для патрициев добротой и сердечностью, Клавдия с большим трудом управлялась со служанками, которые быстро распознав жалостливость хозяйки начинали дерзить и лениться.

Глоток 8.

Перерывчик первый.

Так чтоб отдохнуть малясь, чайку попить.

На случай если что… Заявление на отпуск. Подписанное.

Доченька, я вот вчера забегал в Хранилище-Мастерскую, отнести то, что не из этой картинки и поговорить с Прорабом, ну и вот такой у нас состоялся разговор:

–Слава, я тут часть мозаики от "Египет. Исход." Принес – её вижу куда убрать. А вот это: нагорная проповедь, тайная вечеря, самаритянка куда?

–Вон в те коробки…, видишь где "Рим. Распятие." и "Церковь. Вознесение." написано, потом дособираешь.

–Ты офигел?! Мне ещё эту собирать и собирать.

–Ну и собирай потихоньку, кто тебя гонит?… Всё равно задаром ковыряешься.

–Ну это здесь задаром. А Дома как? Мне вообще Главный по шее не накостыляет?

–Ты чё?, бредишь что ли?, за чё?

–Да ну лукавый заходил, говорил, если не точь в точь как в синодальном, то значит ересь.

–Да идет он, откуда пришел… И с какого перепугу ты решил, что у тебя синодальному не соответствует? Ну да, есть у тебя здесь кое-какая отсебятина, но чтобы она синодальному противоречила этого не вижу. Ты тоже нашел, кого слушать, так что отдыхай, потом эту доделаешь и за те коробки возьмёшься, куда мозаику высыпал.

–Слава, да почему я то?!

–А кто?! Это же трилогия. Ты начал тебе и заканчивать.

–Мне бы отдохнуть…, устал, сил нет.

–Я ж тебе сказал, отдыхай, никто тебя не гонит. Ты и так уж за неделю наковырял больше чем иные за год. И может на досуге посмотришь вот это? Смотри: "Руфь. Возрождение." маленькая такая, смотри какая красивенькая.

–Ага щас!, нет уж!, ты мне про предыдущую тоже самое говорил. Только крёстный путь и резиденция прокуратора. Как она с виду такая маленькая до таких размеров развернулась?!

–Да ну ладно, чё ты ноешь? Всяко бывает… Хочешь вот смотри какие красивые: "Давид. Помазание." и "Соломон. Слава.", особенно вторая, вся в таких золотых, лазурных, небесно-голубых и алых тонах. Прям загляденье. И в названии моё имя есть. Может откроешь, глянешь?

–Ну вот уж херушки, чё я не вижу что ли? Их любую ковырни только, сразу столько высыпется, за год не соберёшь.

–Ну я уже и не знаю чего тебе предложить… Так… Ну вот эти: "Ватикан. Инквизиция.", "Магомет. Последствия." и "Третий Рим. Кровавая Баня.", даже не предлагаю. Живые ещё. Вон так и хлещут змеиными ядом и кровью. Саша Мень чуть только третью ковырнул, его оттуда сразу топором… Хотя гляди, какие там Бриллианты сверкают: мавританская Кордова, Омар Хайям, Киево-Печерская, соловецкие монастыри, итальянское Возрождение… Красотища!

–Ага, да да. Ну ну. И кровища! Вон как Африканская Буря в "Магомет. Последствия." кроваво-черным клубится, как нефть горящая. Это чего там? какой век? тринадцатый что ли? Плохо видно издалека.

–Неа, вторая половина двадцать первого.

–Да ладно?… Они ж на конях и с копьями.

–Угу, щас, глаза разуй, на генно-модифицированых верблюдах и с лазерными ружьями.

–Афигеть!… Ладно… Мне моя доча посоветовала чего-нибудь светское попробовать… Так … Чего тут…"Колумб. Конкистадоры.", "Британия. Могущество.", "Америка. Черное золото.", да не, сразу видно огромные, да и не моё это. Может это?

–Ты ручонки то так далеко не протягивай! Чего ты там схватил? "Седьмая Галактика. Сверхновая."? Чего ты так радостно башкой мотаешь? Ты для кого это собирать собрался? Ты какой там век обозначен посмотрел? И что, что ты соберёшь всё правильно и чисто для себя? Ваня вон собрал

"Апокалипсис. Зарево." всё правильно и чисто для себя. Две тыщы лет народ глазами лупает, таращится, никто ничего понять не может. И ты не понимаешь? Ну, само собой… Не дорос ты ещё… Короче. Поставь на место. Мало ли что нравится. Вон Жуль, здорово кстати, никогда так далеко не хватался. На вот. "Мартин. Протест." Боле-мене безопасная, засохшая почти. Гербарий короче. Так только кое-где живые веточки остались. А так, почти все новые ветки из папье-маше. И цветы бумажные. А вы все чего сюда понавыперлись? Делать нечего? Я вам всем щас дело найду.

—Мишанька, – это уже я говорю, – не хватай меня за рукав, не буду я твою "Мастер. Лукавство." переделывать, сам как налепил так и налепил. Вообще никак в голове не умещается, как ты умудрился на первый план блядищу выпустить и кровавую оргию в светский раут превратить. А уж как ты Славу попытался обгадить, я вообще молчу. И как у тебя духу то хватило на такое? Тебе ж Главный только из-за "Белая гвардия. Русь Уходящая." за это по шее не накостылял. Я знаю, что у тебя это не получилось. И ни у кого не получится. Что значит торопился и время такое было? А у нас на Руси когда жилось хорошо?! Да ну ладно, ладно. Попробую чего-нибудь поправить. Если время будет. Николай Васильевич, вы мне свою вторую часть "Мертвецы. Мракобесие." даже не показывайте, эта чернота меня сожрет мигом. Александр Сергеевич, при всём моём к вам уважении… Что

милостивый сударь?, кто милостивый сударь?, я милостивый сударь?!! Ну допустим. И что? Что вы мне тут тычете? "Пётр. Великолепие."? Вижу. И что дальше? Ага щас! Это ваша коробка. И чё, что не успели? А кто вас стреляться просил?! Вы же, сударь, православный христианин. Про Закон, часть шесть, забыли?! Да, да, понимаю, честь дворянская, обида, гордость взыграла. А за кем вы тогда этим последовали? Кто первый возгордился и войной пошел на Создателя?! Не могли, с семьёй, обидевшись в Болдино уехать? Посмотрите сами, какая у вас там картинка "Емельян. Бунт." получилась. Красота неописуемая! Глаз не оторвать. Россия заснеженная драгоценной россыпью серебрится, купола золотые, а люди!, люди все живые какие! Ну да, кровью вдоль дорог набрызгано… Ну у нас по ходу без этого вообще никак… Короче всем пока, некогда мне.

Потом коробку схватил и дёру.

Так что, "Последний День. Преломление." я пока отложу. Отдохну пару недель и понемногу займусь "Мартин. Протест.", уж больно весёлая, озорная картинка. Кстати, сам мэтр мсье Франсуа Рабле обещал помочь всенепременно. Антуан передаёт тебе привет, кланяется, целует ручки и всё такое, говорит уж больно мила, радостна ему твоя любовь к его картинке "Маленький Принц. Вселенная."

Дописка:

Когда я, как последний лох, купившийся на уверения Сла-

вы Прораба, притащил коробку и заглянув в неё вытащил и собрал первый бумажный цветок, то так прям радовался. Чему?! Ступил я как последняя тупая Лошара!

Развели меня по полной! Потому что к этому бумажному цветку надо было добавить ещё три листочка из гербария, ну я их и потянул… Коробочка то, ладно бы с двойным!, с тройным дном оказалась!!! За этими сухими листочками вытянулись: варфоломеевская ночь, пуритане в Америке и тридцатилетняя война! И все живые такие!, кровоточащие!, ощетинившиеся мечами, копьями и шпагами! А на ветвях листья молодые зелёные и цветы живые: нежные, нежные!, и змеи!!!, змеи кругом… Ну и как это собирать прикажете?!

Ну ладно!, хорошо!, тридцатилетнюю войну я "Мамашей Кураж" возьму…, можно попробовать. Пуритан "Мейфлауером" и салемскими ведьмами. А варфоломеевскую чем?! И это учитывая, что суд в Вормсе пока ещё не проглядывается!

Короче коробку запечатал. И ногой под стол. Пока метр Рабле не придёт, пальцем не прикоснусь.

Глоток 9.

Быстро шаркая по каменному полу искривлёнными, из-за проведённой полжизни в седле, ногами Пилат напряжённо думал. О, Юпитер, как же он ненавидел этот город и его жителей. Эти кривые улочки, эту пыль и духоту, эту вонь, особенно невыносимую сегодня из-за текущих по сточным канавам рек крови. Только мысль о том, что из-за на-

чинающегося сегодня вечером праздника иудеи не поднимут мятеж, немного успокаивала наместника. Если бы не эта мысль служанка, осмелившаяся прийти без вызова, уже лежала, истекая кровью из перерезанного горла. Потомственному римскому всаднику, ремесло которого оттачивалось с самого детства, проходя мимо онемевшей от ужаса рабыни правой рукой молниеносно выхватить, кровожадно свистнувший короткий меч, держа его в кулаке лезвием вниз, чиркнуть как о соломенное чучело, вытереть о её же одежды и вбросить обратно, стоило не больше времени и усилий чем высморкаться. "Будет сегодня восхвалять своего бога за спасение", холодно усмехнулся про себя прокуратор, "если конечно Клавдия, отпустит её на их мерзкий праздник." Остановленный, внезапно охватившим его холодным бешенством, Пилат чуть было не повернул назад завершить задуманное злодеяние и только мысль о жене заставила его двинуться дальше. Изощрённый и опытный царедворец, мгновенно распознал ужас рабыни и так же мгновенно осознал, что только крайне серьёзная причина заставила служанку прийти в его кабинет, обмирая от смертельного страха.

Клавдия, заслышав шаги мужа, перевернулась на ложе к двери, быстро встала и бросилась к мужу: «Понтий, ты сделал то, что обещал мне утром?»

Прокуратор отрицательно помотал гордо вздёрнутой головой.

«Но!, но!, ты же сказал, что ты можешь это сделать! Ты же

обещал!» – Клавдия, молитвенно сжав руки, пыталась заглянуть в устремлённые куда-то вверх отстранённые глаза Пилата.

«Извини, но в свете вновь открывшихся обстоятельств, Я должен был принять решение о казни этого назареянина» – наместник опустил на жену царственный взгляд.

«Но ведь…» – Клавдия ошеломленно смотрела на мужа, «утром ты сказал, что обладаешь здесь всей полнотой царственной власти и никто тебе не указ в решении местных дел!»

Пилат молча вскинул заледеневшие на окаменелом лице глаза к потолку. Клавдия бросилась на колени перед мужем, обняв его, что есть силы за ноги, прижалась лицом к бедрам. Плечи молодой женщины дрожали от рыданий. В груди старого мерзавца что-то потеплело. Он приподнял под мышки измученную страданиями жену, взяв в ладони посмотрел в заплаканное лицо: «Успокойся. Всё хорошо. Я сделал это ради нас. Ради нашего будущего. Сегодня всё будет сделано. А через два дня всё закончится. И мы забудем об этом».

Клавдия вздрогнула как от колющего удара римским мечом в живот, вся сникла и омертвела. Давно не испытываемый ужас охватил Пилата. Он обхватил и прижал к своей груди одеревеневшую жену: «Всё будет хорошо…, всё будет хорошо…» Он гладил её по голове как ребенка.

«Нет. Не будет» – услышал в ответ глухой чужой голос прокуратор, «за дело, сделанное сегодня тобой – ты будешь

проклят навечно…»

Взбешённый наместник отстранив от себя жену левой рукой, вскинул правую, чтобы хорошей оплеухой прекратить наконец уже эту истерику. Рука повисла в воздухе. С омертвелого лица на Понтия смотрели неживые равнодушные глаза. Подхватив не державшуюся на ногах молодую женщину, прокуратор отнес её на ложе. Кликнул служанок. Отдал распоряжение, чтобы вызвали лекаря.

"Надо будет посмотреть свитки законов касательно разводов, не стоит оставлять женой обезумевшую", размышлял Пилат возвращаясь в свой кабинет.

Глоток 10.

«Ну и чего делать?» – прошепелявил внырнувший в тюремное помещение подмастерье палача, «третья перекладина рассохлась и раскололась. Есть новая, но она сырая, круглая неотёсанная, только дырка для верхнего шипа прорублена и всё. И тяжеленная невозможно. Из какого дерева не могу понять. Как каменная. Не приподъёмная. Кое-как её ворочал сейчас. А этот точно до горы её не дотащит. Он себя то: то ли донесёт, то ли нет…»

«Чего ты разгундосился?» – равнодушно прокряхтел палач, «приводи его в чувство», мотнул он головой в сторону Спасителя, «или сам потащишь перекладину на гору.»

Подмастерье метнулся из помещения.

«Может раба взять?» – Валлий задумчиво разглядывал

назареянина, «он и вправду хоть себя то до горы донёс».

«Ага! Счас!» – проверещал казначей, «рабы казённые, начнется заваруха, с ним что случится, с твоего жалования ущерб возмещать?!»

«Ну, нет. Нет. Ещё чего!» – Валлий отрицательно помахал выставленным вверх указательным пальцем вытянутой в сторону казначея руки.

В помещение вскочил подмастерье с кувшином. Подбежав к Спасителю начал понемногу выливать воду ему на голову. Все присутствующие смотрели, как назареянин жадно глотает льющуюся на него прохладу.

Переводчик поднялся, подошел и встал рядом. Отодвинув в сторону, вылившего весь кувшин подмастерье, нагнулся к назареянину и что-то спросил. Оторопело отшатнувшись от полученного ответа, переспросил снова. Озадаченно пожав плечами на полученный ответ, к вопросительно глядящему на него Валлию: «Сказал, что сделает всё от него зависящее, чтобы не огорчить нас… Сумасшедший!»

Валлий облегченно вздохнул: «Ну и отлично. Давайте выводите его, а я пока пойду, построю конвой и отдам распоряжения конным». На выходе приостановился на вопрос переводчика палачу: «Может хоть эти ветки снять ему с головы?» Палач пожал плечами и отрицательно помотал головой: «Эти недоноски затянули их слишком сильно, моими инструментами снять, не содрав кожу с полголовы, не получится, тут лекарь нужен. Есть время ждать лекаря? Ну, так и пусть так

идет…»

На входе в тюремный двор деканы уже поменяли караул на гвардейца Валлиевой сотни, отослав новобранцев в казармы. Развязно стоящий, засунувший большие пальцы рук за пояс, легионер, увидев Валлия, как будто бы никак не отреагировал, не оправился, не подтянулся; лишь начал слегка раскачиваться, переваливаясь с носок на пятки, ухмыляясь и рассматривая цепким взглядом всё пространство перед собой; видя всё и не замечая лишь своего командира.

"Вот засранцы, обижаются", повеселел сотник, "Корнилий видимо не успел сказать десятникам караула насколько все серьёзно."

Нагловатое и расхлябанное поведение легионера могло ввести в заблуждение кого угодно только не Валлия. Уж он, то знает, что его гвардеец готов к схватке в любую секунду. Каждый солдат его сотни, вопреки уставной формуле, мог с достоинством противостоять десятку врагов.

Улыбаясь, подошел к нехотя вынувшему из-за пояса пальцы и переставшему раскачиваться солдату. Молча подтянул пояс, поправил плечевые ремни, заглянув в глаза, похлопал по плечу.

Посерьёзневший легионер стукнул правым кулаком себя по груди. На вожака стаи смотрели умные и спокойные глаза вышедшего на охоту молодого волка.

Сотник одобрительно кивнул. Сделав несколько шагов и

услышав за спиной тихий короткий свист приоглянулся, не прекращая движения. Караульный сделал несколько знаков рукой ближайшему дозорному, маячившему на краю плоской крыши дворца. Легионер, ходивший до этого закинув копьё на плечо и задумчиво глядя под ноги попинывая камешки, перехватил копьё наизготовку и ощетинился.

Подходя к выстраевываемому Корнилием конвою, Валлий левой рукой сделал несколько знаков конным десятникам. Всадники сосредоточились став как натянутые до предела струны, вот-вот зазвенят, получив жестом команду к движению, тронулись с места лёгкой рысью.

Корнилий и Ювентус с крайне сосредоточенными физиономиями расставляли, вразвалочку передвигавшихся, гвардейцев по периметру. Сотник, остановившийся в нескольких шагах, наблюдал за ними одобрительно похмыкивая. "Бойцы, вот это реально бойцы, не то, что эти местные дерьмоеды. Да ну и как же иначе, римляне они и есть римляне", думал Валлий, смотря на своих солдат выглядевших в своём сильно потрёпанном и изношенном снаряжении както даже щеголевато. Сдвинув длинный меч немного за спину, чтобы не мешал при ходьбе, и поправив римский короткий чётко сбоку по центру, сотник взял поданную Корнилием цельнокованную дубинку. С локоть длиной, увесистая, с гладким шаром на конце и двойной толстокожей ременной петлей, надеваемой на запястье, эта дубинка идеальное оружие в тесноте узких улочек этого города. Подёргав, проверяя

прочность ремней, повесил дубинку на запястье правой руки, сжал шероховатую рукоятку, помахал привыкая. Хлопнул Корнилию шутливый подзатыльник: «Красава!»

Солдаты заржали, глядя на притворно-испугано вытаращившего глаза декана. Валлий откашлялся. Легионеры умолкли, подтянулись, каждый как будто стал наголову выше. «Так. Солдаты мои. Не буду вам дудеть лишнего в уши. Скажу лишь только главное: помните Кто Вы и зачем Вы здесь».

Легионеры отсалютовали сотнику, одновременно стукнув древками копий по каменным плитам двора.

Переводчик и палач с подмастерьем вывели назареянина с привязанной к рукам круглой неотёсанной перекладиной. Завели в центр периметра. Солдаты замкнули прямоугольник.

Валлий коротко махнул дубинкой вперед: «Выдвигаемся!»

ЗАХОД

Глоток 11.

Процессия двигалась медленно, изувеченный назареянин, согнувшись под тяжестью сырого бревна всё время, спотыкался и норовил упасть. "Надо было всё-таки взять раба, чтоб он тащил перекладину", подумал Валлий. Жара была невыносимая, пыльный сухой воздух стоял неподвижно, бе-

лесое небо казалось заполнено пылью и смрадом старого города. Легионеры легковооружённого конвоя, разрезая толпу орущего сброда, двигались напряжённо и сосредоточенно. Десятники, идущие справа и слева от Спасителя, быстрыми, хищными, оценивающими взглядами осматривали людей стоящих на улице и на крышах домов. Время от времени спереди и сзади конвоя волчьими стаями рыскали конные разъезды.

Толпа заулюлюкала от восторга, назареянин упал. Брошенное с крыши близстоящего дома, недозрелое каменной твёрдости, яблоко ударило его в правый глаз разбитый уже как вторые сутки и начавший чернеть. С криком раненой птицы, проскользнувшая через конвой, мать Спасителя бросилась к сыну и остановилась, ударившись о каменный взгляд сотника.

«Корнилий».

Декан понял своего командира с полуслова. Забросив правой рукой копьё за спину, натренировано тряхнул левой. Короткий лук соскользнул к запястью. Крутнув кистью лучник взял лук ладонью и сжал кулак. Вскидывая лук вверх одновременно вытянул правой рукой стрелу, наложил на тетиву, поднеся правую руку к самому носу, резко выпрямил левую. Лопнувшей струной пропела тетива. Виновник торжества толпы, за секунду до этого приплясывающий на крыше, вскинул руки к горлу. Шапочка на голове иудея вздулась бугром. Стрела, вошедшая в подбородок с такого близкого

расстояния, пробила череп. Подросток пошатнулся и полетел вниз. Тело, упавшее на кучу сваленного у стены хлама, подняло тучу пыли. Сброд замер и начал пятиться от конвоя. Корнилий наложил вторую стрелу.

Сотник смотрел на толпу, надо найти кого-то, чтобы доставить перекладину до места. Палачей заставлять нельзя, им ещё на горе работать. Уставшие и раздражённые они будут работать медленно назло сотнику. Какие всё-таки задротыши мужики этого города. Только и делают, что деньги считают и молятся уткнувшись горбатыми носами в свои свитки. Все физическую работу делают их жены, не приседая ни на минуту с раннего утра и до поздней ночи.

Цепкий взгляд Валлия выхватил из толпы зевак крепкого мужика. «Давай вот этого сюда» – сказал он переводчику указывая на иудея дубинкой. Переводчик крикнул на местном наречии и махнул мужику рукой. Иудей попятился, заслоняя собой двух мальчишек лет трёх и восьми, намереваясь шмыгнуть в ближайший проулок. Закряхтел натягиваемый Корнилием лук. Увидев движение легионера иудей согласно закивал, сказав несколько слов старшему из мальчишек, подтолкнув обоих в спину отослал прочь и заспешил к конвою. Подмастерье палача уже отвязал перекладину и ждал придерживая её ногой, чтобы не укатилась. Сам палач, отдыхая, сидел на мешках с инструментами брошенными на мостовую и с интересом наблюдал за происходящим. Назареянин полулежал на земле, опершись на левую, менее ис-

калеченную руку.

«Надо его напоить, а то мы его до горы не дотащим» – сказал сотник Ювентусу. Тот отрицательно помотал головой. В суматохе никто не захватил с собой фляги. Валлий посмотрел на переводчика. Тот кивнул. Быстро окинув взглядом толпу, заговорил со стоящей, испуганно прижавшись к стене, бедно, но опрятно одетой девушкой. В огромных чёрных глазах, некрасивой, но привлекательной своей юношеской чистотой и свежестью иудейки, дрожали слёзы. Согласно закивав на вопрос переводчика, она подхватила кувшин, стоящий у её ног. Протиснувшись между конвоирами, изящно опустилась на колени перед Спасителем. Намочив в кувшине край своего платка, быстрыми нежными движениями отёрла Его лицо. Поднесла кувшин к губам. Назареянин сделал несколько судорожных глотков. Передохнул. Отпил ещё. Иудейка опустила кувшин. Улыбнувшись девушке, правой раздробленной кистью руки, Спаситель взял её руку, что-то сказал, и поцеловал тыльную сторону ладони. Плечи девочки затряслись от рыданий, из оленьих глаз хлынули слёзы, подхватив кувшин, она вскочила на ноги и, растолкав оцепление, бросилась прочь. Валлий сделал пару шагов вслед за убежавшей иудейкой, словно желая догнать её. Сзади послышался глубокий вздох, сотник оглянулся и оцепенел. Назареянин стоял на ногах, немного ссутулившись, но твёрдо, даже не пошатываясь. И улыбался. В Его уцелевшем глазу не было видно ни малейшей капли злости или огорчения.

"Сумасшедший!" От этой мысли Валлий очнулся и отдал команду к движению.

Глоток 12.

Ведя за конвоем, обессилевшую от горя, с трудом переставляющую ноги, Мать, Иоанн сам еле-еле сдерживался, чтобы не расплакаться от разочарования и горя. Поддерживая за талию женщину, ухватившуюся правой рукой за его плечо, а левой за его правую руку, юноша напряжённо думал. Нет не этого, совсем не этого он ждал. Хоть Учитель и предрекал эти события, Иоанн, знавший возможности Учителя, категорически отказывался верить в происходящее. "Это сон, это только сон. Мы все скоро проснемся, очнемся от этого дурмана, наваждения. И снова увидим Его: здорового, чистого, радостного." Таким как на том свадебном пиру младшего брата Учителя.

Они тогда завалились в дом Его семьи, как табун молодых жеребцов. Мать от радости встречи под "её крылом", всего её потомства, то смеялась, то плакала. Никогда больше Иоанн не видел Учителя таким счастливым, радостным, не переставая смеющимся. Обняв и перецеловав всех своих братьев и сестёр, Он сразу же принялся помогать родственникам в подготовке праздника. Возбужденные, заразившиеся радостью Учителя, Апостолы, резвясь как молодые стригунки, принимали активное участие в весёлой суматохе. По праву Старшинства Учитель назначил Петра распорядите-

лем пира. Пётр от переполнявшей его радости, от оказанной ему Учителем чести, запрыгал, размахивая руками, как мальчишка выигравший состязание. И понеслось! Пётр гнал пир галопом! Гости одновременно пили, ели и плясали. И будучи трезвым то, неугомонный и говорливый Пётр, подвыпив превращался в искрящийся весельем ураган. Он успевал везде!

Мать и пожилые женщины, ухаживающие за гостями, едва поспевали за неудержимо летящим весельем. Учитель, переходящий от одной кучки гостей к другой, как бы спешащий приласкать всех дорогих Его Сердцу людей, поймал за талию, суетящуюся, чем-то встревоженную Мать, метающуюся между гостями с кувшином в руках: «Что такое, что случилось, моя Родная, чем ты встревожена?»

Иоанн, следующий за Учителем как тень, внимательно вслушивался в их разговор.

«Ох, Сыночка, вино заканчивается. Я совсем не рассчитывала, что ты будешь со своими друзьями. И пришли все приглашенные, обычно к нам беднякам никогда столько не приходит. Если б я только знала, что так будет… Надо было взять у лавочника с запасом, договорившись вернуть остатки…»

«Ох, женщины, женщины!» – рассмеялся Учитель, ласково обнимая, прильнувшую к Нему всем телом Мать, прижавшую к животу кувшин с вином, «всё бы вам беспокоиться и переживать, не время ещё для Печали на этом Празднике

Жизни!»

«Иешуа, Иешуа» – покачала головой Мать, «Ты всё ещё как Ребенок. А ведь эта свадьба должна была быть после твоей». Она посмотрела на Учителя с ласковой укоризной: «Мария ждала Тебя до последнего. А как узнала о Твоём назорействе, бедная девочка плакала целую неделю, мы все не знали, как её утешить. А потом она Пропала и никто не знает где она. Ты сейчас и не узнаешь её отца, как он согнулся и высох от горя, а мать почти не встаёт с постели.»

Учитель опустил голову. Скорбная складка прорезала лоб. Потом тряхнув головой, как конь, отпрянувший от опасности, Он погладил Мать по головному покрывалу; поцеловав, губами убрал дрожащие на глазах слёзы, негромко проговорил: «Всё будет хорошо, моя Родная, всё будет хорошо!»

Потом взглянув поверх её головы, поймал взгляд недоуменно напрягшегося Петра, весело помахал ему рукой. Вдохновлённый этим жестом Учителя, Пётр завопил очередной тост. Мать выскользнула из объятий Сына и бросилась наливать гостям вино.

Учитель, подозвав, отвел в сторонку Иоанна, Иуду и Иакова: «Возьмёте все кувшины из-под вина, пойдете к колодцу. Помните где?»

«А то!» – все трое возмущённо закивали.

«Чище этой воды, Я никогда не встречал. Она будет слаще вина купленного».

Резвые Апостолы вернулись с полными кувшинами в мгновение ока. Учитель, забрав у Матери пустой, подал ей наполненный до краёв кувшин. Пётр как раз заканчивал очередной тост и протянул к ней руку, держа грубую глиняную чашку на раскрытой ладони. Растерянно поглядывая на Сына, Мать осторожно наполнила посудину. В полумраке бедняцких светильников текущая жидкость казалась густой и переливающейся цветом как кровь. Мать похолодела: «Что эти озорники туда налили?!»

Закончивший тост Пётр, решительно отхлебнул из чашки и поперхнулся… Все притихли… Мать едва не выронила кувшин. Пётр внимательно посмотрел внутрь, понюхал и с жадностью выхлебал содержимое до последней капли. Оторвавшись, вытер рукавом рот и ткнув пальцем в пол перед собой, Державно провозгласил: «Подать сюда этих засг'анцев!»

Хохочущие Апостолы вытолкнули к Предводителю Пира притворно упирающихся Иакова, Иуду и Иоанна. Выпятив колесом грудь Пётр, проводя растопыренной пятернёй над пиршествующими, как бы лаская играющую здоровую лошадь, спросил: «Как вы посмели, кощунствуя над этими добг'ыми людьми, пг'ятать это славное вино до сей пог'ы!?»

Смеющаяся троица попадала на колени и притворно испугано закрыла руками лица.

«И главный мой вопг'ос вот к этому Скупег'дяю!» – Пётр ткнул пальцем в Иуду хитро блестящего на него через щё-

лочки прикрываемых пальцами глаз, «на какие, заныканные тобой шишы, когда, а самое главное где?, вы успели его купить?!»

Все Апостолы, вместе с Учителем согнулись задыхаясь от смеха. Они истратили последние ассарии три дня назад и брели к дому Учителя впроголодь.

«Ввиду кг'айней тяжести совег'шённого вами пг'оступка Повелеваю, служить Гостям до конца этого Пг'азника вместо этих Достойнейших Женщин, котог'ых Я объявляю Почётнейшими Гостьями этого Пиг'а!»

Подскочившие с колен Апостолы, отобрав у слабо протестующих женщин кувшины и затолкав их за столы поближе к жениху и невесте, принялись скакать, быстро наполняя протягиваемые к ним посудины.

Держа в правой руке вновь наполненную чашу, Пётр, огладив левой бороду, заговорил: «А теперь я пью это Богатое Вино за всех Вас, за этот Праздник, за это Угощение и эту Радость!»

Мать, смогшая только протолкнуть через сдавленное радостью горло несколько глотков этого Драгоценного, никогда ранее не пробованного ею, Вина, бессилено-радостно улыбаясь, смотрела, как Торжество перекатывается по Дому солнечнобликими лазурными морскими волнами.

«Мальчишки…, ну чисто Дети!», подумала она, наблюдая над веселящимися Апостолами.

Пётр, допивший чашу, вновь завопил: «Музыка!!!»

Музыканты, подкрепившиеся Новым Вином, грянули так, что тусклые светильники, будто вспыхнули с Новой Силой, и всё в доме посветлело и заискрилось.

Распорядитель Пира подхватил в объятья радостно смеющуюся Мать и закружил её в безудержном танце.

«Какое Чудо!» – восхищённо прошептал сидевший рядом с Учителем Иоанн. Учитель рассмеялся, потрепал юношу по голове: «Это ли чудо, что ещё будет впереди…»

Глоток 13.

Перерывчик второй.

–Володя, посмотри, у меня здесь как-то коряво получилось, не совпадает… И здесь перевёрнуто… Что?, может переделать?

Инженер посмотрел на собранный мною кусок, немного склонив голову и прищурившись. Потом ухмыляясь:

–Да ладно ты, не загоняйся. С первого взгляда не заметно. Да и в целом вообще-то смотрится неплохо. А эти косячки…, с кем не бывает. Ты знаешь, я знаю, но мы никому не скажем. О.К.? На вот тебе аванс и давай побыстрее заканчивай.

Ушел.

–Ты чё творишь?!

От испуга я чуть не грохнулся на собираемую мной картинку. Обрадованный полученным авансом, я засуетился и, торопясь поскорее закончить раскорячился над своим зака-

зом.

–Ты чего меня пугаешь? – закряхтел я распрямляясь. За спиной полусогнувшись стоял Слава Прораб, внимательно рассматривая мою работу:

–Чё, чё…, через плечо! Ты чего сам, не видишь что ли?! Вон у тебя там всё криво, там перевёрнуто, а тут вообще не совпадает.

–Я Володе показал, он сказал всё нормально, пойдёт…

–Володе он показал…, пойдёт…, поедет, – Слава так же полусогнувшись, боком перемещался вокруг картинки, внимательно её разглядывая под разными углами, – ну ты, если сам видишь, что неправильно, чего сразу не исправляешь?! Как только увидел свой косяк, надо сразу же и переделывать. Володя, Володя…, какой еще Володя…, слушает всех кого ни попадя…

–Какой, какой. Инженер. Он же зам. Главного. Его же восстановили.

–Кочегар?! Кто его восстановил?! Когда?!

–Мишанька мне сказал, когда электрику доделывал. Да и Володя сам говорит всем об этом. И по объекту ходит весь чистенький такой, костюмчик Стюард Хьюз, парфюмчик Клив Кристиан… Чего?, нет что ли?

–Вот сучонок, а? Поймаю я его. Сейчас же поймаю. Он Мишке так мозги запудрил, что тот полобъекта мне запорол и Домой свалил. Сейчас по Дому шарахается, пятый угол ищет, от стыда перед Отцом. А я вот по объекту бегаю, пере-

делываю за ним, где включатели толком не работают, где розетки, без заземления, током шибают. А где вообще напругу не от того источника завел, ничего не работает, народ и в темноте сидит и замерзает. У тебя вон хоть тепло мало-мало и свет есть.

–Так мне Мишанька и делал тоже. Вроде всё нормально работает.

Слава пощелкал включателем и посмотрел прищурившись на светильник:

–Нормально, нормально…, чё нормально то?…, приборы электроаппаратовские воткнул и всё. Они же, когда он тебе их устанавливал, уже устарели, а сейчас ещё и выработались. Ладно, всё лучше, чем левые китайские, как сейчас устанавливают. А напругу то к тебе Астрид заводила, она же и провода разбрасывала и распайку сделала и подрозетники вмазала. Короче весь предмонтаж.

–Да как это?! Она же баба!

–Ну не баба, во-первых, а девчонка, она вон до сих пор по всему Дому носится как угорелая, косички её рыжие, как хвост за белкой, еле за ней поспевают. А по электрике, у неё шестой разряд и пятая группа допуска. Вот так. Да. Чего ты глаза выпучил? Ты если б тогда при установке не поторопился да не пожадничал, она б тебе все электроприборы шнайдеровские установила. А теперь вот пользуйся мишкиными деревянными.

–Слав, может поменяем?… Я так то уже заработал мо-

жт…

–Заработал он, заработал…, работничек. Посмотрим ещё… На твоё поведение… Может и поменяем.

–Вау! Класс!!!

–Чё ты радуешься?! Я ещё ничего не обещал, во-первых, с Главным Мастером надо согласовать, и вообще сказал же, посмотрим на твоё поведение…

Ладно. Всё. Заболтал ты меня. Попозжа забегу, занесу аванс и подмогну тебе малость.

–Ааа…, эээ…, мне уже Володя аванс дал…

–Чего он тебе дал?! Дай сюда!!!

Слава, встряхнув мешочек, высыпал "золото" на ладонь, сжав кулак помял, отряхнув с ладони рассыпавшееся в пыль "золото", выбросил мешочек в мусорку:

–Коость, ну ты чего?… Ну сколько раз уже тебе повторять: "Ищите прежде всего Царства Божия?"… Ну, ведь даже по весу ж можно было догадаться…

У меня аж ноги обмякли, как ватные и затошнило:

–Слав, мне бы Домой…

–Да ты чего сразу разнюнился? Чего вы все чуть что, сразу Домой? А дело делать кто будет? Всё я один что ли? Астрид вон девчонка, а Домой никогда не просилась, пахала как лошадь. А про Лёвку я вообще молчу, он правда под конец насуропил мне, накосячил малость. Ну да ладно… Простим ему.

–А что Астрид, Астрид! – перебил я, – она в какой стране жила?!, и я в какой?!

–Ты чего "пургу гонишь"?! Страна как страна. Ну, с народом конечно тебе не повезло. Хе-хе. Так же как и всем правителям твоей страны, кто бы не приходил к власти. Неее, вопросов нет. Понятное дело Дома там тебя и Мамка зацелует всего и у Бати за спиной куда как безопасней чем здесь. Но ты и меня пойми! – обнял за плечи, – здесь же дел невпроворот. Кому делать? Кстати ты может, как отдыхать присядешь, чаёк попить, – зарылся в своем портфеле, – глянь вот, совсем чего-то, никак не могу найти кто бы сделал. Чего ты шарахаешься?! Она малюська, крохотная совсем, точно точно безобидная и по твоей теме, видишь "Вавилон. Пленение."

Я убрал руки за спину:

–СЛАВА!!! Ты мне, про "Мартин. Протест.", что говорил?! Папье-маше, гербарий, цветочки бумажные. Я туда только сунулся, да ещё и без перчаток как придурок…, так сразу руки до локтей поизрезало, обожгло и покусало. Там всё живое! Ветки из папье-маше сами собой кровью наполняются, листья и цветы оживают, змеи, не понять откуда, выползают, кресты кострами горят, половина картинки мечами и копьями щетинится как ёж! Ненене, даже смотреть не буду. Ты же, если я даже чуть-чуть гляну, назад потом ведь не заберёшь? Ну вот! А я и так уже сдуру набрал вон сколько. А у меня уже вечер. Да знаю я, знаю, что полдня у меня прогул!

Короче: пока это не сделаю, ничего мне даже не того…

Слава Прораб прислушался. Вышел. Я за ним.

На лесах фасада стоял Володя и вежливо улыбаясь, аккуратно, чтобы не запачкаться, жестикулируя, что-то объяснял, заляпанному с ног до головы краской и шпаклевкой, гастробайтеру.

–Эээ! Эй ты!!! Инженер человеческих душ! Ты как опять сюда пролез?! Охрана, вы то чего?! Куда смотрите?! Какой пропуск?! Чего на груди на бейджике?! Вы глаза то разуйте!!! Печать Главного там есть?! А ты чего лыбишься?! Мало я тебя за ухо на твоё рабочее место, к печи мусоросжигательной, таскал?! Ты чего всё время сюда прёшься?! Всё равно ведь когда Главный придёт, мы тебя в эту же печку вместе с остальным мусором запинаем!

Охранники, худючие, но крепкие, одетые в заношенные одежды православных монахов, сосредоточенно преследовали Владимира, ловко и легко прыгающего по лесам.

–Давайте, ребята, поймаете этого пидора и тащите его в кочегарку. Я вас там, у ворот подожду. Закинем его туда и ворота на замок. Замок надо проверить…, и как он ключи постоянно подбирает?…

Глоток 14.

Пропустив впереди себя два разъезда всадников, конвой покинул город. Посвежело. Пыль и смрад остались за городскими стенами. Валлий облегчённо вздохнул полной гру-

дью. На открытой местности, командуя пусть и всего лишь неполной сотней, он готов сразиться с любой армией этого сброда. "Да, да", согласился сам с собой, "это не пустое бахвальство и самонадеянность." Каждый легионер его гвардии это мощная профессиональная боевая единица. Отобранные Валлием лично, потомственные римляне, грамотные поболее чем эти зазнайки иудеи, с раннего детства избравшие своим мастерством служение Марсу, многократно отличившиеся в обучении и боевых действиях, легионеры его сотни даже для профессиональных воинов врага представляли угрозу большую, чем матёрый, вошедший в полную силу, волк домашнему барану, хоть и обладающему крутыми рогами. А уж взбунтовавшиеся непрофессионалы, да на открытом пространстве…

В памяти сотника внезапно всплыл тот бой в каменной зимней пустыне.

Валлий ещё раз придирчиво осмотрел диспозицию. Да. Место выбрано идеальное. Молодцы волчата мои, Корнилий с Ювентусом. Вон скачут по скалам, ещё и ещё проверяя возможность обхода с флангов. Каменный хребет вздыбился, рассекая пустыню как два нильских крокодила, чуть-чуть не соединившиеся кончиками хвостов в месте, где сейчас расположилась гвардейская центурия. Утомлённые ночным переходом солдаты дремали сидя прямо на земле, опираясь на спины друг друга. Пройдя мимо, перерезанных ночью раз-

ведчиками Валлия, дозорных противника, сотник осмотрел расположившийся вдалеке стан противника. Сразу же за выходом из узкого, не более ста шагов в ширину, ущелья скалы уходили вправо и влево плавными полукругами, стремясь сомкнуться, но так и не смыкаясь до самого горизонта. Начинавшиеся где-то в тысяче шагов от выхода из ущелья шатры уходили далеко за горизонт. В предрассветном холодном тумане виднелись маячившие между шатрами караулы. "И откуда их принесло этих шершней?", Валлий подошел к одному из мёртвых дозорных. Одетые, все как один, в жёлто-чёрные полосатые халаты, чёрные суконные разрезанные посередине и прошитые юбки, сшитые из такого же сукна, мягкие круглые шапки и в жёлтые мягкие цельно-кожаные сандалии, со странно загнутыми носами и маленькими колокольчиками на задниках; они и смугло-красными лицами, заросшими до самых глаз маслянисто-чёрными кучерявыми бородами, были все схожи как близнецы. Этот шутовской наряд чуть было не привел римлян к фатальной ошибке вчера вечером, когда конная разведка Тринадцатого легиона столкнулась с полосатыми пешими лазутчиками. Показавшиеся лёгкой добычей враги, оказались сильными и ловкими, как разъяренные кошки и столкнись они не с разъездом Корнилия ещё неизвестно, как бы сейчас обстояло дело. Корнилий же вместе с Валлием и докладывал военному совету о серьёзности воинской подготовки противника.

Какая всё-таки честь служить под началом проконсула

Понтия Пилата! Молниеносно оценив создавшуюся ситуацию, собрав и проосмыслив все сведения о противнике, местности, состоянии легиона и всём остальном, командующий в течение получаса составил план сегодняшнего сражения, детально доводя его до подчинённых, внимательно выслушивая их мнение и внося разумные корректировки.

Услыхав короткий тихий свист, сотник посмотрел наверх, Корнилий спрятавшийся за каменный выступ, сделал знак о приближении противника. Валлий быстрым шагом подошел к каменным воротам, от лагеря отделился и неспешным шагом двигался в их сторону конный разъезд, смена караула. Сотник развернулся и пошагал к поднимаемым Ювентусом легионерам, спустившийся со скал Корнилий стоял, задумчиво разглядывая трупы дозорных. Размякшие от короткого сна римляне, сосредотачивались, приходя в себя, быстро без суеты оправлялись, подтягивались, проверяли оружие. В холодном предутреннем воздухе послышались звуки цокающих по камням копыт, лошадиное всхрапывание и гортанный гомон всадников. Выехавшие из-за выступа скалы бородачи обалдевше натянули поводья тормозя лошадей. Валлий коротким жестом дал команду. Первая линия строя приготовилась к стрельбе, наложив стрелы и слегка натянув радостно заскрипевшие луки. Сзади сотника послышались булькающие звуки льющегося ручейка и мелодичное посвистывание. Валлий оглянулся, Корнилий, стоящий в двадцати ша-

гах вправо и сзади сотника, раскачиваясь и насвистывая, мочился на убитого дозорного. Косящиеся на него легионеры загоготали. Корнилий поймав одобрительный взгляд сотника, попрыгал стряхивая, оправился и покряхтев смачно харкнул на труп.

Шершни яростно загудели от негодования, тронули было лошадей в сторону римлян… Остановились… Загалдели и вздыбив коней галопом унеслись в сторону лагеря.

Выстроившаяся в четыре шеренги сотня, приготовилась встретить первую атаку противника. Присевшие на одно колено, за установленными баррикадой прямоугольными щитами, легионеры держали наизготовку тяжелые длинные луки дальней стрельбы, прочные массивные, почти не уступающие по размерам дротикам, стрелы разложены на земле у правого колена. В потеплевшем утреннем воздухе послышалось дикое улюканье и топот надвигающейся конской лавы. Валлий поднявший вверх согнутую в локте левую руку, дав проскочить каменные врата первым разрозненным всадникам, когда показалась основная масса, резко опустил её, давая команду к стрельбе. Поочередно вставая и снова присаживаясь, чтобы не закрывать поле стрельбы следующему ряду, легионеры работали быстро и деловито. При такой технике стрельбы смертоносный водопад стрел изливался сплошным, непрекращающимся потоком. Тяжёлые луки бросали стрелы с такой силой, что они как копья сбивали

всадников с коней, падающим под их ударами лошадям пробивали шеи и грудь, от чего те бились в отчаянной агонии. В считанные минуты каменные врата были надёжно запечатаны от конной атаки стонущим кровавым валом.

Побросав далеко вперёд ставшие бесполезными луки, гвардия спокойно без спешки перестроилась в наглухо закрытую панцирем из щитов "черепаху". Римская "мясорубка" начала методично перемалывать хлынувшую через вал чёрно-жёлтую полосатую волну.

Валлий смотрел на своих уже вымотавшихся солдат. Легионеры наскоро переводили дух, подтягивали снаряжение, проверяли и по мере возможности приводили в порядок оружие. Выдержавшая уже две пеших атаки центурия, пока что не потеряла ни одного убитыми. Четверо тяжелораненых и десяток менее пострадавших, неспособных уже драться, но ещё держащих строй из щитов, расположились в центре. Дважды отступавшая сотня оставила за собой четырехугольные нагромождения трупов противника. Уже дважды понукаемые командирами шершни, захлебывались собственной кровью и с криками ужаса убегали назад, переливаясь через конский вал, не обращая внимания на палочные удары визжащих от ярости начальников. Сотник подошел к двум своим любимчикам. Корнилий и Ювентус сняв шлемы, поливали друг другу помогая умыть забрызганные вражеской кровью лица. Валлий обеими руками потрепал их по загрив-

кам. Повернувшиеся к нему физиономии светились самодовольством мужлана, который только что сильно и страстно три раза подряд отделал блудную девку. Впрочем, такие же рожи были и остальных. Профи наслаждались процессом. «Ну, ну» – снисходительно рыкнул сотник, «не больно то расслабляетесь, центр у нас уже проседает, раненые еле держат строй.» Корнилий спокойно возразил: «Так и эти уже в этот раз не так напирали, я заметил у них страх в глазах…»

За скалами возник постепенно нарастающий гул. Сотня приняла боевое построение. В ожидании атаки минуты текли вечностью. Наконец на валу показались противники, редкие и разрозненные, что-то дико орущие, они прижимаясь к скалам бегом огибали римлян и припустив ещё быстрее, бросались наутёк. Валлий с Корнилием выскочив из строя, походя рубя попадавших под руку бородачей, добежали до скал и быстро вскарабкались наверх. От величия происходящего внизу действа захватывало дух. Оглоушенный молотом гвардейской центурии Валлия, гирканский тигр бился в агонии лихо разрываемый на куски римским вурдалаком. Римские всадники, обошедшие хребет по проходу находящемуся южнее этого, несмотря на длинный ночной переход, быстро и деловито, как мясник на базаре, рубили, рубили, рубили. Оглянувшийся назад Корнилий захохотал. Обернувшийся за ним сотник увидел появившиеся на горизонте обозы казначея. Стервятник, ничуть не сомневаясь в грядущей победе, спешил на поле собрать "плоды".

Валлий слегка тряхнул головой, прогоняя нахлынувшие воспоминания. Да! Хвала Юпитеру и Марсу! Славно тогда погуляли! Славно!

Глоток 15.

Палач приоглянулся на следующих за конвоем сторонников назареянина и толкнул локтем в бок своего подмастерье: «Напиписьники взял?»

«Да я и не выкладывал их, как с утра два приготовил, так и лежат в мешках. За тех двоих то некому заплатить было» – зачавкал подмастерье.

Прислушивавшийся к их разговору сотник гоготнул. Ох уж эти двое! С комара молоко выцедят. Когда иудейские жрецы дойдя со своими прошениями до самого Рима, добились таки решения о распинании иудеев в повязках прикрывающих их срамные места, палачи метрополии быстро сообразили что на этом можно заработать. И привязывают приговорённым тряпки закрывающие стыд. За отдельную плату. Если есть с кого её взять. За прибитых утром разбойников видимо никто не заплатил, и сейчас они корчились на крестах голые.

Валлий обратился к переводчику: «Никак не могу понять странно стыдливое отношение твоего народа к своему телу. Ну хорошо, когда тело закрывается одеждой для защиты от жара, от холода, от повреждений или для соблюдения прили-

чий, чтобы оно обнажённое не отвлекало от серьёзности происходящего, это ещё можно понять. Но когда тряпкой закрывают срам того кто уже полутруп!? Не понимаю! И для чего?, для какой цели вы калечите свои мужские жезлы? Ведь это изуверство! Зачем?! Для какой разумной цели делать так, чтобы испытывать меньшее удовольствие от сладкой близости с партнёром? Я несколько раз перечитал ваши мифы» – переводчик удивленно-незнающе вытаращился на сотника, «да, да несколько раз. На греческом конечно. Но всё равно так и не понял. Хоть и переводили греки совместно с иудеями.»

Переводчик прокашлялся, спросил вполголоса: «На самом деле искренне хочешь понять суть?» Валлий кивнул.

«Когда Наш Бог избрал нашего праотца Авраама, чтобы из чресел его произвести свой народ, бесчисленный как морской песок, служащий и поклоняющийся только Ему Единому, необходимо было закрепить в памяти всего народа, всех будущих поколений этот Завет. Для этого и повелел Бог всем мужчинам быть обрезанными, чтобы народ всегда помнил о своей исключительности, отделённости от всех других народов…»

«А я тебе и толкую, что читал я об этом, читал» – перебил переводчика сотник, «а ты снова мне об одном и том же…»

«Не перебивай меня, если хочешь узнать суть» – раздраженно зашипел иудей, «так вот и подумай сам, какое ещё более действенное напоминание может быть, чем обрезание

крайней плоти? Одежду, амулеты, идолов можно потерять, тату или шрамы на других частях тела могут стереться или перекрыться другими шрамами, может облезть кожа, ну и тому подобное. А вот с этим органом мы все, и ваши мужи тоже, обращаемся очень бережно. И когда справляем малую нужду не любуемся на стенки клозета или красоты природы, а смотрим конкретно на него…»

«Ага! Понял, понял!» – загоготал Валлий, «то есть, вы, мужи народа иудейского, яснее всего вспоминаете о том, что у вас есть свой Бог тогда когда вытаскиваете свой хрен поссать или подро…ть! Ну понятно, что обретаете Его когда можете засунуть руку под одежду и потрогавши убедиться, да мол обрезанный я, избранный я, особенный, отделённый от всех других. Но вот незадача, когда хрен иудея вставлен подруге или дружку, то всё! Бог ваш для вас потерян! Так как ни увидеть свое обрезание, ни потрогать вы уже не можете!»

«Понятное дело. *Omnis privatio supponit prior possessionem* (лат.)» – хихикнул прислушивавшийся к их разговору Корнилий и попрыгал вперёд обгоняя конвой.

Переводчик скукожился от злости. «Наш закон категорически запрещает ложиться с мужчиной как с женщиной» – прервал он смех сотника, «мы не как вы язычники, у нас такого не было, нет, и не будет!»

«Неужели!» – Валлий даже закатил глаза, притворно задыхаясь от восхищения, «а вот был в вашем народе такой родоначальник Вениамин, всех потомков которого вы пору-

били как капусту за страсть к мужским задам. Это тогда закона твоего ещё не было или уже был?!»

«Ну ладно, ладно, я же шутейно. А вот скажи» – спросил сотник ощетинившего как ёж переводчика, оглянувшись на сторонников назареянина печально бредущих за конвоем, «с кем из них спал этот приговоренный? С этой красоткой или вот с тем симпатичным пареньком? Или с ними обоими?»

«Ни с ней, ни с ним, ни с ними, ни с кем бы то ни было» – убежденно и уверенно ответил как-то сразу успокоившийся переводчик, «он назорей.»

«Это как же это так? Разве может муж без этого?»

Переводчик ухмыльнулся: «А женщина без этого может?! Нет? Не может? Никак? А как же тогда римские весталки?!»

Валлий озадаченно замолчал и глубоко задумался. Жрицы храма Весты пользовались в Риме огромным авторитетом, и за подшучивание над ними можно было запросто лишиться головы.

Глоток 16.

Перерывчик третий.

В общем, шел я в Мастерскую голову повесив, еле ноги волоча. Рюкзак ещё такой тяжёлый чего-то, вроде и полупустой только термос, молоко и булочка. А чего?… Чего-чего. Стыдоба. Это же надо было так умудриться: самого себя так собрать… А ещё и картинку пытаюсь собрать. Такой говённый сборщик из меня, без слёз сам на себя и не взгля-

нешь. Сам с собой измучился, не знаю как… То ли дело Антуан. Раз, два и небо в алмазах… А у меня всё больше то, что из носа… Ещё и Михаила Афанасьевича подправить размахнулся… Ну совсем самодовольство зашкаливает. А ведь изначально из хороших материалов начинался. И как потом так то… В Мастерскую зашел и сразу к Мишаньке:

–Мишань, ты это…, прости, что того… Короче, я так-то и понятия не имел, что последнюю картинку она собирала. Вот и злился. Думал как же так то… Детали вроде твои, а сборка…, ну руки бы поотрывал. Вон даже сейчас смотрю: бриллианты гранями сверкают россыпью, а скреплено всё смолой асфальтной вместо янтаря, да деревяшками гнилыми и железяками ржавыми, масляной краской покрашенными, куски мяса ещё гнилые не к месту… Вчера как до меня допёрло что к чему, так сразу кааак УЗО коротнуло… Чуть половина цепей не погорела. Твое УЗО кстати. Да ладно ты, чего расстроился, я же сказал, понимаю, что не ты собирал.

Толкнул его плечом так слегка. По дружески. Михаил Афанасьевич пошатнулся:

–Ты чего это?! Когда у тебя новый допуск появился?!

Я ошарашенный:

–Сам не пойму ничего… Может это потому, что Антуан вчера коротнувшее УЗО на Легранд заменил? Надо Славу будет спросить. А вон и Антуан. Антоха, привет. Эээ… Миш, а он чего то и не удивляется ничему…, руку вон пожимает. Спасибо конечно. А с чем вы меня поздравляете, мсье?

С рыжим лисёнком? Так он у меня только-только нашёлся. А я ж когда совсем отмороженный был, гонял его по всей мастерской, херачил по нему чем ни попадя, что под руку попадется: "Крыса!", орал, "Крыса!!!!" Вот он забился от меня дурака подальше, под самые завалы. Только попискивал иногда…, так прям жалобно… И как он выжил под этими кучами хлама. Слепенький ещё, малюсенький, слабенький. Трясусь над ним, не знаю как. Пальцем боюсь дотронуться. Стою перед ним на коленях и плачу. Не ест ничего, весь израненный, грязный, дрожит всем тельцем. Но греет, греет, да. На сердце уже потеплело.

—Чего вы тут опять столпились?! Что?, заняться нечем?, все дела переделали? И морды чего у всех как на похоронах?! А ты чего с рюкзаком?! Куда собрался?! Опять Домой?! Тебя вообще кто отпускал?! У тебя полдня прогул! Забыл?!

–Слава, ты чего? Я так-то работать шел. Забежал вот поздороваться.

–А ну тогда ладно, простим тебе. А то я смотрю, вы тут все стоите, нюни распустили. И Мамка, смотря на вас оглоедов, руки так умилительно сложила, и Батя, так одобрительно кивает, и ты ещё с рюкзаком. Ну думаю опять Канстянтин свет Николаич лыжи Домой навострил. К Мамке скорей под юбку, она там ему и слёзки вытрет и сопельки высморкает.

–Слава, ты чего сегодня это?

–Чё, чё…, ничё! Из Последних Времен я только что…

Вместе с Главным туда заходили. Сам Он тоже разгневанный…, смотри, как торговцев по Храму гоняет. Никогда его таким не видел.

–Слаав, а у меня это…, лисёнок нашелся сегодня. Ага. Долго что-то так искал его вообще. Слышу, где-то пищит, а где не пойму. Еле-еле выкопал его из под хлама, который там у меня навален. И слабенький такой. Как выжил то вообще…

–Лисёнок, лисёнок…, знаю что лисёнок, – в портфель зарылся, – лисёнок…, это хорошо, что лисёнок. На вот. Чего ты шарахаешься опять?! Это на день рожденья лисёнку подарок. Только смотри у меня. Прям по чуть-чуть, по капельке-капельке.

–Ваааау, "Седьмая Галактика. Сверхновая.", Слава, спасибо.

–Да чего ты меня благодаришь? Это тебе Главный передал, с Батиного конечно разрешения.

–Костян, ты короче, когда, если устной речью, про биоинформационные капсулы объяснять будешь, говори так…

–Ваня! Ты его чему учишь?! Забыл, чем грозит преждевременное разглашение информации устной речью?! Забыл как тебе на Острове, сами же сподвижнички, по губам надавали, в ереси типа уличили?! У тебя ж потом всё так гноилось, что полгода только мякиш размоченный кое-как проталкивали. А первое время так и вообще пришлось одну капсулу из Последних Времён притащить, чтобы ты ласты не склеил.

–Ааа, так вот в чём дело…, а я то, всю голову сломал, думаю, что за байда такая?: "в устах горька, в чреве сладка", а это Вань…, Аааай!!! Слава, ты чего дерёшься?!

–А вы чего как дети малые?! Сказано же вам: язык за зубами и рот на замок! Я тебе такой же как ему исходный материал дал?! Дал. Вот и собирай себе на досуге. Никому не показывай. Чисто для себя. И не дай Господи обнародовать, если соберёшь, без доскональной согласования с Главным, а правильнее то и вообще не надо. А то вон Фридрих втихаря умыкнул такой же исходник, собрал шиворот-навыворот и как его Главный не лупил по шеям, взял и обнародовал. Вот. А потом Адольф Шилькгрубер насмотревшись на его картинку чего наделал?!… И упаси Бог вслух об этом. Сами же прекрасно знаете, что у Кочегара зенки заморожены, не видит он ими ни хрена, а вот слух у него отменный, все времена слышит одновременно. Опять ты тут?!

Слава ухватил за ухо умопомрачительной красоты молодую блондинку в плотно облегающей точеную фигурку "прада":

–Ты как сюда пролазишь, а?

Выворачиваясь из цепких Славиных пальцев, блондинка становилась то Володей, то рогатой свиньей, то худючей заплаканной пожилой монашкой, то извивалась змеёй, то снова становилась блондинкой.

–Охрана, утащите это на своё место!

Худючие охранники в монастырском одеянии, скрутили

"бедненькую монашку".

Увели.

–Ладно! Всё! Балаган закончился! Давайте, за дело все! Время уже после полудня, а Дом ещё строить и строить!

Мне:

–А ты у меня только ручонками и можешь… Тыква у тебя чего совсем не соображает?! Ну, если у тебя глазёнки плохо видеть начинают, плёнка на них ледяная намерзает, неужели трудно догадаться попросить, чтоб лисёнок на них подышал, чтоб оттаяли?!

–Да я б попросил…, но у меня ж только лёд растает, слезами вытечет, как опять намерзает. Да и слабенький же он ещё совсем. Ну, ты сам знаешь…

–Да знаю я, знаю!, вы то, люди как люди, то опять на всю голову отмороженные. Всё!, иди, работай! Не расстраивай меня.

Ушёл.

Глоток 17.

Конвой приближался к месту казни. Перед распятыми утром разбойниками стояла кучка жрецов во главе с двумя верховными, чуть поодаль от них кучка зевак, сброд, падкий до любых бесплатных развлечений. Между самими распятиями сновали солдаты караула, местные недоноски новобранцы, встревоженные непонятностью происходящего.

«А эти то, чего сюда припёрлись?» – спросил Валлий у пе-

реводчика, кивнув на жрецов. «Хотят достоверно убедиться, что этот назарей не пророк. Ты же читал в наших сказаниях о чудесных избавлениях пророков от смерти?» Сотник утвердительно кивнул. Идущий рядом Корнилий буркнул: «Угу, угу. Да конечно. Прямо вот сейчас боги на облаках за ним спустятся сюда. И спасут. Угу, угу. *Зараз побачимо*(укр.)».

Переводчик метнулся к легионеру, ухватил его за плечевые ремни: «Это ты, на каком сейчас наречии сказал?! Что означает?! Где слышал?! В каких землях?!» Казалось он готов залезть через рот прямо в голову Корнилию. Интерес к изучению наречий был всепоглощающей, болезненной страстью переводчика. Заполучив в свое распоряжение человека знающего новое для иудея наречие, он буквально как паук впивался и не отставал от него до тех пор, пока не высасывал все знания.

Гордо и резко отбросив от себя руки переводчика, Корнилий насмешливо отчеканил: «На каком – не знаю. Что означает – не знаю. Где слышал – не помню». Повернувшись к Ювентусу: «Давай присмотри за порядком здесь, а я выстрою караулы по периметру». И легко, быстро, как горная кошка, запрыгал по каменным выступам, безошибочно определяя наиболее удобные точки постов и выставляя на них легионеров.

«Ладно. Не отвлекай его. Пусть делом занимается» – привлек сотник внимание переводчика, «ты мне лучше скажи: если этот назареянин такой известный у вас учитель, то поче-

му здесь так мало его последователей, и правда ли что один из его ближайших учеников повесился сегодня ночью?»

«Почему так мало народа его сопровождает в последний путь, ничего не могу сказать, не знаю… Скорее всего, этот сброд просто перепугался. А то, что один из них повесился это верно. Сегодня ночью. Сам». Переводчик придвинулся поближе к Валлию и понизил голос: «Помнишь, ты сопровождал Апполинария в Александрию?» Сотник кивнул. Ещё бы он не помнил тот поединок. Да и хитрого жирного грека не забудешь, даже если и захотеть. «Так вот тогда, в дополнение ко многим уже имеющимся у него, он выкупил и привёз сюда свитки, написанные очень далеко от этих мест, и очень давно. Но! Когда мы их вместе тщательно перевели, то оказалось, что в них в подробностях описывается эта местность и это время. И предсказывается возрастание здесь и сейчас величайшего, могущественного кесаря, к ногам которого падут все народы земные. А тот ученик много общался с Апполинарием».

«Понятно» – кивнул Валлий, «разочарование…»

Подмастерье палача, взяв в левую руку скукоженную, много раз использованную тряпку "напиписьника", заковылял к последователям назареянина. Обратился сначала в Матери, она недоуменно-горестно посмотрела на него и опустила голову. С ним заговорила молодая красавица, согласно что-то пролопотав, отдала ему мешочек с монетами. Подмастерье заглянул внутрь. Удовлетворенно кивнул. Иудейка

схватила за рукав, повернувшегося было уходить, подмастерье и что-то затараторив, указывая на вонючую тряпку и отрицательно мотая головой, стянула свой нижний дорогой белый плат и протянула ему. Подмастерье ошарашено вытаращился. Взял ткань. «Нет. Ну, за такой дорогой напиписьник и плата должна соответствующая» – позвал он на помощь себе переводчика. Тот подошел к ним. Спросил. Молодая женщина растерянно развела руками. Стоявший рядом с матерью назареянина парнишка на которого она опиралась в дороге, достав из под многослойной одежды, протянул деньги. «Ну вот. Другое дело» – слегка подбросив мешочек с монетами, прогнусавил подмастерье и поковылял к ожидающему его палачу.

Глоток 18.

Крепкий мужик иудей, тащивший перекладину, взмокший и раскрасневшийся, что-то спросил у переводчика.

«Чего ему надо?» – поинтересовался Валлий.

«Спрашивает, кто заплатит ему за его труды».

«А то, что он до сих пор жив, этого ему мало?!» – гоготнул сотник.

Крепкий мужик попятился от них. Посмотрел вопросительно на жрецов. Те, высокомерно и презрительно глянув на него, отвернулись. Молодой парнишка иудей растерянно что-то пробормотал ему, указывая на палача и его подмастерье. С крепким мужиком заговорил назареянин. Гля-

дя прямо ему в глаза, спокойным и ласковым голосом, он проговорил несколько фраз, потом сложив домиком ладони рук, как бы накрыл ими голову стоявшего невдалеке от него иудея. Крепкий мужик, набравший было полную грудь воздуха, чтобы ответить ему гневною тирадой, вдруг безмолвно выдохнул, сдулся, и ссутулившись, еле волоча ноги, побрёл вниз к городу.

Палач раздел и уложил назареянина плечами на перекладину. Посмотрел на топчущегося возле подмастерье, не соображающего как привязать не приспособленную для этого ткань, чтобы не пришлось, потом постоянно поправлять её, когда приговоренный будет ёрзать вверх-вниз на кресте. Досадливо крякнув, отобрал у него ткань, быстро глянув на последователей назареянина, направился к молодой красавице, остолбеневшей от испуга. Не говоря ни слова, развязал и отмотал с её талии, многократно обернутый вокруг неё, круглый плетёный пояс из дорогой тонкой кожи. Заправив свёрнутую ткань под ягодицы, и закрыв ею низ живота, несколько раз туго обвязал её по поясу, надёжно закрепив до окончания казни. Подмастерье, успевший за это время привязать верёвками к перекладине кисти назареянина, подал ему ржавые четырехугольные штыри и молот. Палач критически осмотрел работу своего ученика: «Ну и как ты так умудрился?, куда смотрел? У него же, когда наверх поднимем, ладони вверх вывернутся».

Подмастерье засуетился, зачавкал: «Так перекладина же

круглая, неотёсанная… Перевязать?»

«Ладно. Пусть так остаётся. Может быстрее отмучается бедолага». Короткими уверенными ударами прибив запястья назареянина к перекладине, палач дал команду поднимать её на вертикальный столб. Кряхтя и оскальзываясь на кучках сложенных ступенями камней, подмастерье с местными солдафонами подняли перекладину, вместе с прибитым к ней Спасителем, и надели её на верхний шип. Затем, взобравшись на коротенькую лестницу, подмастерье закрепил у него над головой табличку с приговором. Палач в это время прибил ноги к нижней подпорке.

Завыли и застонали женщины в кучке сторонников.

Заржали, что-то гогоча, зеваки, не обращая внимания на гневные окрики из группки жрецов.

«Что это они?» – поинтересовался Валлий у переводчика.

«Говорят, что похож на первосвященника молящегося в храме».

Глоток 19.

Перерывчик четвертый.

Устал чё то… Правда устал. Надо бы отдохнуть. И дело делать надо. И так позорник такой полдня пробухал, да по помойкам прошлялся, языком своим поганым трындя без остановки всякую гадость. В мастерской что-то тихо. А ну так ведь суббота сегодня. Ну нет есть, есть кое-кто: вон Мишанька опять над своей картинкой мается, Федор Михайло-

вич, Лев Николаевич, Валентин Григорьевич, Александр Исаевич все по своим мастерским работают вовсю. Ну, оно и понятно, они труженики, не то, что я, лодырь несусветный.

–Ой! Ой! Александр Сергеевич, простите великодушно, чуть с ног вас не сбил. Совсем не смотрю куда топаю. И за тот раз простите меня дурака, вы уж ради Христа не обижайтесь, я ж деревенский, хорошим манерам не обучен. И мама в детстве по губам не била, чтоб старших не перебивал, а слушал, и чтоб рот не разевал пока не спросят. Ну, так может совсем изредка…, когда совсем борзеть начинал. И отец тоже…, после того как старший брат…, ну вы знаете. Я ж тогда дурила возомнил, а потом думаю нафига "Медный всадник" в прозу… Уж простите великодушно.

Раскланялись.

–Мишань, ты это самое…, тоже…, ага…, я ж не знал, что она копии сделала…, так, что вот… Всё время думал, что ещё за дебильство: "рукописи не горят"? Ну, совсем ведь не твоя фраза…

Миша вздохнул:

–Да ну она-то ладно, женщина, денег захотелось, понятно…, но вот то, что эти двое доработчиков…, п-ры г-ные навыделывали…

Опять вздохнул.

–Ууйй тии, ууйй тии! Какая умилительная картина!

Сзади стоял Слава, держа портфель за спиной двумя руками за обтрёпанные ручки, хлопал им по бедрам, раскачи-

ваясь с носок на пятки:

–А позвольте полюбопытствовать, уважаемый Михаил Афанасьевич, вы в каком году родились? А ну-ну, молчите-молчите, это я так. А в гимназию ходили? А предмет там был такой, неинтересный-неинтересный, "Закон Божий" называется, был такой? Был, соглашается, головой кивает. Ага. Так у вас одни двойки, что ли по нему? Нет? Ну, замечательно. А не напомните мне книга пророка Михея седьмая глава, что говорит о лежащей на лоне твоём? Ой! Ну, совсем наш Мишенька голову повесил…, сейчас заплачет и к Мамке жаловаться. Дай, мой миленький, я тебя пожалею да к Мамке отведу.

Раз и пятернёй за волосы Михаила Афанасьевича.

Я ему:

–Слава, это же Мишаня!

–Ага. Мишаня, Мишаня, – согласно кивнул Слава и хрясь Михаила Афанасьевича об радугу, которая вокруг него, Медуза Горгона в руке забилась. Шипит, ядом плюётся, волосы-змеи пытаются обламывающимися зубами за руку, хвост скорпионий хлещет из стороны в сторону, лапы когтями по полу. Я чуть не обделался от страха:

–Слава, как же так???

–Как, как…, каком кверху! Ты когда уже башкой своей отмороженной соображать начнёшь?! Как ты здесь с кем разговаривать можешь?! Ты что в Доме уже?! А тем более контакт!

–Так мне показалось…

–Показалось ему…, когда кажется креститься надо и молитву читать. Возомнил о себе. Прям великий писатель! Пушкин с ним за ручку, Экзюпери…, Франсуа Рабле прям в подсобники соизволил взять, Булгаков так вообще друган. Оборзел вконец!

С размаху шваркнул об радугу голую юную брюнетку, бесстыдно ласкающую себя по грудям и промежности, часто и призывно дышащую. Зашипела Горгона.

–Слав, это ты мне или ему?!

–Обоим!!! Ты уже врубись наконец, ни с кем ты здесь разговаривать не можешь, только картинки ходить смотреть. Свою собирать. И всё!

–А ты как же?! Ты то, кто?!

–Кто, кто! Конь в пальто! Сказано же: "Всякого духа испытывайте!" Эта гадость и мной может прикинуться. Как испытывать напоминать надеюсь не надо?! Всё отбой! Иди уже спать. Завтра на службу вставать поутру рано.

Ушел. Лисёнка моего за хвост тащит. Чуть следом не побежал. Потом перекрестился. Ну, вот всё нормально. Показалось.

Глоток 20.

Часто и тяжело дышащий назареянин, подтянулся на веревках вверх, внимательно посмотрел на свою мать и стоящего рядом с ней молодого иудея. Улыбаясь, проговорил им

что-то. Женщина задрожала в беззвучном плаче. Молодой парень крепко обнял и прижал её к себе. Внимательно наблюдавший за этой сценой, распятый справа от Спасителя разбойник, бешено корчась, разразился проклятиями. Его содружник, прервал его и что-то сказал, обращаясь к распятому впереди него назареянину.

Спаситель изо всех сил вывернулся назад, поймал взгляд разбойника: «Ныне же будешь со мной в Царстве Небесном».

«О чём это они?» – спросил сотник.

«Обещает, что сегодня они встретятся в раю» – ответил переводчик, «а вот второго он похоже там не ожидает встретить…»

Прибитый справа от назареянина иудей не унимался. Бешено вращая белесыми зенками, он орал и плевался в сторону назареянина. Доплевался… Один из харчков подхваченный порывом ветра шлёпнулся на сандалию Корнелия. Испуганный местный солдат быстро подскочил к легионеру и концом своей туники вытер плевок. Не помогло… Задумчиво-удивленно посмотрев на стонущего и похохатывающего наглеца, Корнилий крутнул копьё над головой и сделал пару прыжков к распятому. Через мгновение иудей всем телом рванулся вверх от новой боли. Искусный воин рассек ему лицо крест-накрест. Рассечённые губы и щеки трепетали как

рваные тряпки.

«Молодец!» – одобрительно кивнул Валлий.

«Да» – согласился переводчик.

«А тебе то, иудей, какое дело до того как мой легионер защищает честь римской гвардии?» – удивился сотник.

«Он наказал этого человека за то, он хулил нашего Бога, прежде всего это было главным для его сердца» – спокойно возразил старик.

«Ты думай, прежде чем говорить. Корнилий потомственный римский гражданин, ничего не знающий о твоём вонючем народе и его богах, он и ваше наречие почти не понимает».

Переводчик отрицательно помотал головой: «Нет. Он иудей».

Валлий усмехнулся: «Я много раз видел его голым, он не обрезан. Да и вы иудеи все сплошь чёрные, а Корнилий рыжий!»

«То, что его предки много лет назад отвергли своего Бога и старались забыть о Нём, ещё не значит, что Всевышний отверг и забыл их. По закону заповедованному Им Самим милость Его сохраняется на тысячу поколений того рода который служил богоугодно. Ты, сотник, помнишь предание нашего народа о великом полководце Иешуа, остановившем солнце во время битвы с врагом?»

«Да, помню, читал в ваших мифах» – согласился Валлий.

«Так вот, солнце, конечно, не останавливалось на небе,

это невозможно. На самом деле Господь изменил способность наших воинов к ощущению времени, оно для них как бы остановилось, вражеские солдаты остолбенели, стрелы и копья повисли в воздухе…, они рубили противника как спящий скот. Воины в те времена были все из одного рода. И этот Дар Божий почил на них навечно. Защита своего народа стала их ремеслом на долгие годы… И все мужчины в этом роду были огненно-рыжие. Наш народ называл их Пламя Гнева Господня… Но в частых битвах за свой маленький народ, эти воины были перебиты или рассеялись по другим странам и народам…, а я по звукам его голоса давно уже понял, кто он на самом деле».

«Вот ты вроде бы старый умный человек, а веришь в бредовые сказки. Может ты ещё и веришь в то, что эта женщина, забеременев без участия мужа, родила этого своего распинаемого сына, от духа вашего давно умершего царя, как об этом говорят?»

«А в этом нет ничего невероятного. Нет, конечно, в то, что женщина может забеременеть результате соития с духом царя Давида, я никогда не поверю. Но, если я как истинный иудей, верю в то, что мой Бог: Бог Всемогущий, Творец Всего Сущего, для которого нет ничего невозможного; то как же я могу не верить в то, что Он может взяв семя из чресл царя Давида, пронести его в Руках Своих сквозь столетия, освятив Своим Прикосновением, и поместить Это Семя в Деву не познавшую мужа, избранную Им из народа Своего, и воз-

жечь в ней огонёк Новой Жизни? Но только это никак не может быть эта женщина и этот человек, по одной простой причине…»

Истошные крики прервали разговор. Невесть откуда взявшиеся, три чёрных жирных ворона, сталкивая друг друга с головы, только проученного Корнилием, иудея, яростно били его клювами в лицо. Подбежавший Корнилий, держа копьё за конец древка, лихо подпрыгнув, срубил одного их них. Два других нехотя замахав крыльями, улетели в сторону смердящей за горой ямы. Лицо бьющегося на кресте, от боли и смертельного ужаса, иудея превратилось в сплошную безглазую рану.

Глоток 21.

Воспользовавшись суматохой, молодая иудейка проскользнула к кресту назареянина и вцепилась в него побелевшими от напряжения пальцами.

Прижавшись всем лицом к ступням Избранника, Мария не могла не вдохнуть, не выдохнуть. О, Всевышний!, как она ждала Его сватовства. Умная, красивая, скромная и трудолюбивая девочка сразу полюбилась Матери. Дружившая с младшей сестрой Избранника, Мария всегда была желанной гостьей в их доме. В редкие минуты отдыха, приласкав обоих девочек, Мать говорила Марии то, что о лучшей невестке для себя она и не мечтает. От этих слов в чёрных глазах

девочки вспыхивали огоньки звездного неба. Но шли годы. Шли и шли. Избранник почти не появлялся в родительском доме, всё время путешествуя в поисках заработка для содержания большой семьи. Мария стала реже бывать в гостях у Матери виновато и горестно прячущей от неё взгляд. Девушка упорно ждала. Резко отвергнув несколько выгодных предложений. Она решила ждать до конца. Она будет с ним или не будет ни с кем. Весть о его назорействе подкосила её как мощный удар дровосека молодое деревце. Сначала она безутешная металась, рыдая из своего дома в дом Избранника. Потом сникла и похолодела. Лежала целыми днями, отвернувшись к стене, вся укутанная в ткани и заледеневшая. И даже объятия её огромного как буйвол отца, пытавшегося как в детстве растормошить свою единственную дочь, не согревали её. И в одну из самых тёмных ночей, когда утомленные трудовым днём родители крепко спали, Мария, собрав небольшой узел с самым необходимым, ушла в Город.

Выгодно продав свою девственность, красивая, умная, дерзкая, она очень быстро разбогатела. В числе её посетителей были самые богатые и знатные люди города и страны. Однажды ночью к ней припёрся сам бывший верховный жрец. Захмелевшая от вина Мария обсмеяла его и выставила вон, сказав, что не примет его ни за какие деньги. Рассвирепевший старый козёл сумел ей отомстить. Как будто сам дьявол подсказал ему подослать к Марии юношу так похожего на Него. Подослать в субботу…

Глоток 22.

Она узнала Его сразу, как только разъяренная толпа вытащила её из ворот Храма. Избранник сидел, скрестив ноги прямо на земле, сгорбившись, опустив непокрытую, обжигаемую солнцем голову и что-то писал в пыли правым указательным пальцем.

И так уже охваченная смертным ужасом, только из гордости сдерживавшаяся, Мария упёрлась и начала вырываться из рук палачей. «Убейте меня здесь! Не мучайте!» – завизжала она. Мучители сатанински расхохотались и потащили её к Избраннику. Сопротивляясь изо всех сил, Мария как могла, намотала головное покрывало, закрывая лицо.

Они бросили её к ногам, вставшего при их приближении, Избранника, как мешок с остатками растерзанного хищниками животного.

Наперебой, захлебываясь и задыхаясь, как стая озверелых собак, прогавкали обвинение.

Избранник молчал.

Закутанная с головой, окоченелая от упавшей на неё смертной тени женщина ждала. Вот сейчас.

Потом раздался Его голос, такой тёплый и родной.

«Ну что же, вы совершенно правы. Закон есть Закон. Но исполнить закон имеет право лишь тот, кто чист перед ним, поэтому тот, кто уверен в сердце своём, что не имеет на себе греха непрощённого Отцом Небесным, пусть первый бросит

в неё камень, и, да будет Создатель Судьёй ему в этом деле».

Сердце Марии остановилось. В ожидании первых ударов женщина сжалась ещё сильнее. Как только первый камень ударится в её тело, она как зимняя льдинка рассыплется мелкими искрящимися осколками.

Звенящая тишина продолжалась мучительно долго.

Потом, взяв под локти, Избранник поднял её на ноги.

«Милая, а где твои обвинители?»

«Их…нет…никто…меня…не…обвиняет».

Марию знобило от могильного холода.

«И я тебя не обвиняю».

Избранник обнял молодую женщину, прижав её голову к своей груди. Мария оказалась в Отцовских объятиях. И растаяла.

«Друзья мои» – обратился Избранник к братьям-рыбакам, «проводите её домой, чтобы никто не обидел по пути».

Поддерживаемая братьями, полностью уверенная, что Он её так и не узнал, молодая женщина сделала ватными ногами несколько шагов и услышала за спиной ласковый голос Избранника: «Мария, не греши больше». Потерявшая сознание Невеста упала на руки Рыбаков.

Отстранив местного солдафона, безуспешно пытающегося оттащить от назареянина молодую иудейку, Валлий деловито взяв огромной пятернёй и намотав на руку нежные шелковистые волосы, легко приподнял, часто задышавшую

и запрокинувшую голову от боли, женщину и потащил её к Матери. Нет!, не туда!, не туда! В голове сотника зашумело всплывшее из чрева возбуждение. Утащить её за периметр, за ближайший выступ горы. Одним рывком могучих рук разорвать на ней одежду и овладеть ею сильно и яростно. Заставить её стонать, плакать и извиваться под мощными толчками вбивающими, вминающими её в каменистую землю… Сотник потряс головой, прогоняя наваждение. Швырнул иудейку к остальным сторонникам назареянина. Оглянулся отходя и оторопел чуть не открыв от изумления рот. Молодая красавица смотрела на него не с ненавистью… Нет… С жалостью! Она смотрела на него так, как смотрит мать на своего маленького сына, который только что нанес сам себе серьёзное неизлечимое увечье.

Глоток 23.

Назареянин из последних сил подтянулся на веревках, сжимая в кулаки непослушные пальцы. Поднял лицо к небу, глядя на него сквозь прилипшие к лицу волосы, хрипло вдохнул и мягким спокойным голосом произнес несколько слов. И тут же поник, опал как проткнутый кинжалом мех, из которого выплеснулось сразу всё вино. Обе женщины пискнули и судорожно сжали друг друга в объятиях.

Из медленно надвигающейся, чёрной как африканская ночь, тучи, вырос никогда доселе не видываемый Валлием гигантский куст молнии. Ослеплённые небесным светом лю-

ди зажмурились. Громовой удар небесного молота встряхнул землю, насродни медному листу по которому с размаху, со всей дури врезал жестянщик. «Эй, жрец!» – окликнул сотник Каифу, «по ходу этот назареянин и в самом деле был вашим Богом. Богом служащим нашему Юпитеру, так же как и вы находитесь в рабстве у Рима. И ваше решение убить своего Бога разгневало Юпитера».

Каифа только открыл рот, чтобы возразить Валлию, как его перебил старый жрец: «Сотник видел ли ты когда-нибудь старуху попрошайку у восточных ворот Дворца?»

Валлий сморщился от внезапно подступившей тошноты. Омерзительная нищенка неведомо откуда появлявшаяся и потом исчезавшая; скрюченная параличом, здоровой у неё была только правая рука; смердевшая как зловонная яма, на склоне этой горы, в которую сбрасывались трупы казнённых, достала сотника уже давно. Валлия, иногда проходившего или проезжавшего мимо неё, каждый раз взбешивал пристальный, ненавидящий весь мир, взгляд бельмовато-белесых глаз старухи. Но посылаемые сотником, прибить и оттащить нищенку подальше от дворца, солдаты каждый раз возвращались, ни с чем. Старая мразь будто под землю проваливалась.

Валлий утвердительно кивнул.

Голосом старого козла, надсаженным многолетними молитвами, жрец замекал: «А теперь представь себе, что ты такой молодой, здоровый и красивый вдруг стал этой стару-

хой?»

Правой рукой сотник наполовину вытянул короткий меч из ножен.

«Нет, нет, я совсем не хотел оскорбить тебя. А как умному человеку дал тебе пример для сравнения. Много лет наше сословие служит Господу: Совершенному, Всечистому и Всеблагому, для которого даже знаменитейший царь Соломон и даже его отец царь Давид особо любимый Им, не более чем зловонные куски мерзкого мяса. Как я могу поверить в то, что мой Бог мог вселиться в тело одной из этих потаскух, и, родившись в мерзком грехе, вместо служения в Храме, таскаться по помойкам с мытарями и нищетой, развлекая их фокусами? Будь этот назареянин, даже самую малость, угоден моему Богу, он не умер бы здесь и сейчас, такой позорной смертью. Это присмертное знамение лишь говорит о Гневе Господнем на этого богохульствующего самозванца».

Старик резко развернулся и пошел вниз, к кучке рабов присматривающими за ослами жрецов. Его свита поспешила за ним.

Спешившийся внизу гонец, быстро разминувшись со жрецами, подбежал к Валлию. Вытянувшись и ударив себя правым кулаком в грудь, легионер отчеканил: «Проконсул центуриону: Получено известие. Завтра в северо-западные казармы прибывают на передислокацию три центурии следующие конным ходом из Рима в Александрию для пополнения Четвёртого Африканского легиона. Следовательно,

охрана трупа назареянина не представляется необходимой. Всех казнённых сбросить в яму на горе».

Глоток 24.

Валлий облегченно вздохнул. Три сотни римских всадников, ветераны которых разбавлены свежей кровью хорошо обученных и натренированных новобранцев, вместе с гвардией его сотни, сила способная за полдня стереть в порошок этот гнусный городишко.

Заговорщики, готовящие бунт узнают о прибывающем подкреплении в самое ближайшее время. Их доносчики наверняка есть в резиденции прокуратора. И, как бы не были, хитры и наглы, они не самоубийцы, как вздёрнувшийся этой ночью фанатик, ученик назареянина, и не решатся на заранее проигранное дело.

Иуда метался по Городу: "Я!, Я так верил Ему! Сколько раз Он, Сам Себя называл Царём Царей! Сколько раз говорил, что Сам Господь Отец Ему! Я же был всё время рядом с Ним, Я видел, ЧТО!, Он может совершать! Ведь Я тогда, когда Он вложил в уста мои пропитанный вином хлеб, своими глазами ясно видел, переливающуюся всеми красками, Славу Божию, исходящую из Него!"

"Иуда, Иуда, потерпи. Потерпи до окончания Праздника. Совсем, совсем немного ещё осталось. Потерпи. Не предавай меня."

"Сколько раз Я, вместе с Апполинарием разбирая, собранные им за много лет, свитки, которые начертаны за много лет до времени сего и много месяцев пути отсюда, снова и снова убеждался, что это Он! Что Ироду не удалось его злодеяние! Сколько раз Я, видя творимые Им чудеса, задыхаясь от восторга, говорил сам себе! Да!!! Это Он!!! Могущественный Кесарь, который приведет все народы к Престолу Господа!"

"Иуда, Иуда, потерпи…, потерпи…"

Иуда выбежал за Город: "Почему здесь так холодно?! Ведь днём стояла невыносимая жара! Конечно, Пустыня остывает ночью, но не также сильно! Ведь Время Холодов прошло! И как хочется пить! И почему Он, когда Я привел Храмовников, чтобы Он поразил их и они бы попадали к Его ногам, и когда Я, будучи вне себя от радости поцеловал Его, сказал эти странные слова?!!!"

"Иуда, Иуда, потерпи…"

"Нет, нет, нет!", Иуда бился головой об покрытый инеем ствол, засохшей до каменной твёрдости, смоковницы, "ведь он же сам Меня послал, сам сказал Мне иди и делай что задумал…, он предал Меня, Я ему так верил, так верил…"

"Иуда…"

Всё стихло…

"Почему здесь так темно?… И так холодно?… И одновременно нестерпимо жарко?… И горло забито ледяным песком?… Почему не видно даже звёзд?!… Почему такая ти-

шина, не слышно ни звука?…, где Я?…, кто Я?…"

Иуда ловко как обезьяна на ощупь вскарабкался на Дерево, развязал пояс, быстро-быстро сделал петлю.

Всхрапнул, высохший до каменной крепости, сук смоковницы. Тело забилось в петле, как вырванная из Воды Рыба. Стихло. Стекая по босым ногам Предателя, на иссохшую землю закапала моча.

Валлий подошел к переводчику, задумчиво глядящему вслед жрецам: «Старый козёл…»

«Нет! Скорее старый шакал!» – взрыкнул в ответ иудей. Они обменялись понимающими взглядами. Именно так: как облезлый, обделавшийся старый шакал выглядел этот жрец тогда на ночном суде у прокуратора. Когда Пилат, внимательно заслушав доклады переводчика, палача и казначея, вынес вердикт: что если старый жрец ещё раз устроит со своими дружками свою ежегодную кровавую оргию; во время которой, они пожрав сырое с кровью сердце, украденного у бедняков младенца, потом озверев, насиловали связанных блудных девок, у которых было ежемесячное кровотечение, перерезая им горло при наступлении оргазма; то наместник лично будет присутствовать при их казни, когда вот он; палач согласно кивнул головой; забьет им в задницы острые деревянные колья. Сотник вспомнил горящие бешеной яростью глаза казначея инициировавшего это расследование. Римский стервятник готов был немедля разорвать

иудейского шакала. Ну, ещё бы!, этот никак не мог потерпеть никаких действий наносящих хоть малейший урон римской казне.

Глоток 25.

«Закругляемся!» – кивнул Валлий палачу. Тот согласно и одобрительно хмыкнул, взял молот и пошел перебивать голени у распинаемых. Взвыли и забились в агонии, прибитые к крестам разбойники. Подойдя к назареянину, палач вопросительно посмотрел на сотника. Валлий оглянулся назад, поймав глазами умоляющий взгляд матери, согласно-виновато кивнул головой. «Корнилий,» – скомандовал он легионеру, «проверь». Корнилий легко и изящно ткнул копьём между рёбрами. Отскочив от хлынувшей жидкости, доложил: «Готов!»

Палач, отдав молот подмастерье, скомандовал ему: «Всё. Готовь инструмент для окончания дела».

Переводчик подвел к Валлию, невесть откуда взявшегося маленького иудея. Глядя на огромный лысоватый лоб, выпученные навыкате глаза и большой горбатый нос, у сотника создалось впечатление, что огромный великан схватил этого иудея за подбородок и затылок и сильно сдавил. И нажми он ещё чуть сильнее, глаза маленького иудея выскочат из глазниц.

«Вот» – сказал переводчик, «говорит, что его ученик», махнул рукой в сторону назареянина, «готов забрать и захо-

ронить тело. У него для этого есть всё необходимое. Здесь. Для приготовления к захоронению». Переводчик показал рукой вниз. Невдалеке от места казни стояли две повозки в сопровождении трех дюжих, чёрных как смоль, африканских рабов.

«Только вот он просит» – продолжал переводчик, «продать ему все вещи имеющие отношение к казни его учителя. Говорит они будут дороги ему как память о нём». Пучеглазый согласно кивал.

«Что-то старовато он для ученика» – иронично-злобно проговорил Валлий, «да и вон все сопровождавшие этого назареянина смотрят на него как на незнакомца».

«Он говорит, что всегда был его тайным почитателем. Боялся гнева жрецов Храма. А выкуп он предлагает…» – переводчик назвал сумму. Стоявший рядом Корнилий присвистнул, палач удивленно почесал затылок: «Что-то у них накануне праздника какое-то массовое сумасшествие. Да за такую кучу золота пусть забирает всё, похрен тайный он или явный…»

Валлий согласно кивнул головой, повернувшись к гонцу, отчеканил донесение прокуратору. Потом обратился к палачу и переводчику: «Ответа ждать не будем. Действуем. Вон уже скоро ливанёт. Золото, полученное у него» – кивнул в сторону маленького иудея, «сами отдадите казначею и решите, как там всё оформить… Корнилий, бегом проверь место захоронения, на предмет пригодности к охранению. Осмот-

ришь подходы, есть ли место для отдыха караула… Да что тебе объяснять. Давай. Пошел».

Пучеглазый, увидев что Корнилий собрался уходить, что-то быстро затараторил, дергая переводчика за рукав.

«Чего ему надо?» – надменно спросил Корнилий.

«Хочет твоё копьё, за золото конечно».

«А в глаз моим копьём он не хочет?!»

Пучеглазый почувствовав угрозу, юркнул за спину переводчика и протянул оттуда мешочек. Корнилий рывком взял протягиваемый ему узелок, развязал, заглянул внутрь: «Пойдет! Пусть забирает!»

Легко подбросив копьё вверх, метнул его в сторону распятия. Глубоко воткнувшееся в табличку с приговором, копьё с гудением задрожало. Корнилий подмигнул подошедшему Ювентусу, отдал ему золото, хлопнул его по плечу: «На эти деньги мы славно порезвимся в здешнем борделе. А то что-то совсем скучновато в последнее время от безденежья. Как говорится: *The lack of money—flour unbearable!*(анг.)».

Ловко увернувшись от метнувшегося к нему переводчика, убежал к ожидавшему его конному разъезду.

Глоток 26.

Перерывчик пятый.

Стоял в храме, смотрел, как мамочки с детками готовятся к причастию и думал: как же это Славно, что Господь наибольшую милость являет наибольшим грешникам, к Еве, ко-

торая согрешив первой, увлекла за собой Адама, к её дочерям, успешно повторяющим дело своей прародительницы. Ведь женщине для спасения, по великой милости Господа Нашего Иисуса Христа, знающего их немощность в противостоянии ко греху, нужно всего лишь родить ребенка, любить его и пронести эту материнскую любовь через всю жизнь. И это покроет все её грехи. И откроет ей двери в Царство Небесное. Конечно при вере в Спасителя… Материнство же с верой христианской и делами добрыми означает, что кроме спасения женщина награду на Небесах получит. А мужчина спасается только через Покаяние, которое без веры в Христа невозможно. Но вырвать Покаянием свою грешную душу из когтей и зубов Дракона, отрешиться от рабства Дьявола, выпутаться из сетей Сатаны, это только начало спасения. Надо ещё свою искалеченную, истекающую кровью, омертвелую от боли душу исцелить принятием искупительной жертвы Христа. Принять внутрь себя Любовь Отца изливаемую через Духа Святого Животворящего. И возродиться новым человеком, подданым Царя Царей, состоящим на службе у Первосвященника, братом Церкви Сына Божия Иисуса Христа. И звание это, одевшись в броню праведности, нести до конца земного пути.

Да уж… Сказанул, так сказанул… Значит им всего лишь родить, всего лишь любить, и в Христа верить… А нам вот бедняжкам, вон сколько всего сделать надо. Ну, ну. Сейчас мне любая мамочка так, уперев руки в боки, вопросить име-

ет право: "Так! Во-первых: А ты, с какого это перепугу решил, что мы все более грешные, чем вы все?! Во-вторых: А ты беременный ходил?! А у тебя ребенок через чресла…?! А грудью его кормил?! А…" Всё, всё, всё, всё. Извините, простите. Простите меня дурака! Не знаю, не пробовал! Да и попробовал, не получилось бы!

Убежал в мастерскую.

Думаю уж и не надо объяснять, где это. Короче. Смотрю. На себя естественно любимого и дорогого. Постройка то добротная: стены такие бревенчатые из лиственницы дальневосточной, фундамент основательный, печка ух, такая, что почти Якутские морозы выдержала, крыша прочная крепкая шифером толстенным ещё советского производства крытая. Родители, в общем, постарались, Царство им Небесное. Но вот внутри… Без слёз не взглянешь… Печь топил таким мусором, что еле-еле греет…, засажилась… Про чердак вообще молчу, такого туда напихал, мама дорогая! Ладно, хоть сейчас немного начал там порядок наводить. Голуби чаще стали залетать. Гули-гули. Так хорошо… А то раньше всё больше нетопыри гнездились. Да так много! С каким трудом пришлось изгонять их! Как всего искусали и изгадили! Всё не могу! Пойду проблююсь. Потом рот прополощу, зубы почищу как следует, и за дело.

Глоток 27.

Сухими, как пески пустыни, глазами Мать смотрела на

своего Первенца. Женских слез не хватило на продолжавшееся уже вторые сутки горе. Сколько непередаваемой радости и сколько боли он ей принес. Да и не мудрено, ведь Он же не только Первый, но и Единственный рожденный ею по плоти. Всех остальных она родила сердцем. Она вспомнила его рождение. Как они вместе с тетей тогда ошиблись в подсчете срока родов, она до сих пор не могла понять. Не будучи точно уверенной, что в запасе есть ещё две недели, Мария никогда бы, не смогла уговорить мужа на эту поездку. Воды отошли сразу же, как они тронулись в обратный путь и выехали из городка. Мария, не предполагавшая этого, терпела до последнего, успокаивая встревоженного мужа, что просто часто писает от холода. Схватки начались, когда возвращаться назад было уже поздно. Иосиф потащил осла с сидящей на нём, часто и судорожно дышащей женой к ближайшей гостинице.

«Как же так, побойся Бога, ты же видишь у меня жена рожает, на улице холодно, ночь».

«Ну и сидели бы дома, чего шастать в таком положении» – здоровенный пузатый хозяин гостиницы был неумолим.

«Ты же знаешь, что мы не по своей воле пришли сюда. Хорошо, возьми тогда в придачу к деньгам осла».

«Иосиф» – жалобно простонала Мария.

«Кстати, об ослах, за свои гроши можете переночевать вон в той моей пещере, вместе с пастухами».

Иосиф отдал деньги и побрел к костру, горящему у входа в пещеру. Он жестоко укорял себя за то, что не взял с собой больше денег, они с Марией рассчитывали к утру быть дома.

У входа в пещеру, греясь у костра, сидели двое пастухов.

«Шалом» – поздоровался с ними Иосиф. Те согласно закивали в ответ: «Шалом, шалом».

Проведя осла вместе с сидящей на нем женой в пещеру, помогая постанывающей Марии слезть с него, услышал за спиной: «Помогай ей, а мы расседлаем животное и согреем воду».

Иосиф отвел жену в закуток около кормушек, где лежало немного соломы и было почище.

Уложил. Спросил, удобно ли ей. Мария согласно закивала заплаканным лицом. Быстро скинув с себя верхнюю одежду, снял, и, разорвав на две половины, отдал жене нательную рубаху: «Положи пока к себе поближе к телу, чтобы не остыла. В одну запеленаем малыша, а вторая для остановки кровотечения».

Одновременно замерзшая и вся покрытая липким потом, Мария облегченно запрокинула голову и вздохнула полной грудью.

«Это мальчик!» – голос Иосифа дрожал от радости.

«Дай его мне!» – вскинулась Мария.

«Подожди…, потерпи немного…»

Иосиф перевязал и отрезал пуповину. Быстро завернул

младенца в свой нижний кафтан и положил в стоящие рядом кормушки. Помог жене избавиться от последа и убрал его в пустой курдюк из-под воды, чтобы по прибытию домой поступить с ним согласно закону. Вытянув из под одежды Марии одну из половин своей рубахи, оторвал от неё небольшой кусок, намочив в принесенной пастухами теплой воде омыл жену и приложил свернутый оставшийся кусок для остановки кровотечения. Затем взяв младенца на колени, насколько возможно быстро омыл его и запеленал. Отдал в руки напряженно ждущей Марии: «Он, почему то не плачет…, молчит…, когда только принял его, испугался, показалось, что не дышит, хотел шлепнуть, а он посмотрел на меня и улыбнулся…, я чуть не выронил его из рук…»

«Я его покормлю».

Иосиф закивал: «Да, да, конечно. Займусь пока поклажей и умоюсь.» И быстро завернув замерзшие ноги Марии своим кафтаном, отошел. Поблагодарив одобрительно закивавших ему пастухов, Иосиф быстро разобрал поклажу, уложив её поближе к предстоящему ночлегу. Присев поближе к жене опершись спиной на снятые с осла узлы, засунул заледеневшие ноги Марии к себе спереди между бёдер, и, обняв руками её колени положил на них свою голову. «Ну?… Как ты?» – спросил он измученную жену. Мария придерживая правой рукой насытившегося и уснувшего Первенца, левой погладила мужа по голове: «Я ничего, ничего…, всё хорошо, получше уже…»

Иосиф поцеловав руку жены, убрал её под одежды: «Береги тепло. Ночь впереди длинная и холодная».

Ох, Иосиф, Иосиф! Как же он её любил, какое у него было сердце! Тогда когда он радостный ввел её в свой дом, и Мария рассказала ему всё… Всё… Ничего не утаивая. Как он смог это выдержать?! Он не вскинулся на неё, не разгневался…, а лишь сидел поникший от её слов как от ударов острием топора. Потом, не поднимая головы, еле слышно просипел: «Да, Мария…, хорошо…, я тебе верю…, и любя тебя не стану выставлять на позор. Завтра ты вернешься в родительский дом. А потом мы решим, как быть дальше».

А наутро вернувшись к ней, проплакавшей всю ночь, взял в ладони её лицо и заглянув, в её, опухшие от слёз, своими налитыми кровью от бессонной ночи глазами: «Я не могу тебя отпустить. Без тебя, без твоей любви мне нет жизни. Согласен. Пусть будет, так как нам предначертано Господом».

И сдержал своё обещание. Никогда, за все прожитые вместе годы, неисчислимое количество раз деля во время ночлега ложе, они так и не познали друг друга как мужчина и женщина.

Мария приоткрыла лицо мирно посапывающего Первенца. Любуясь на младенца, заметила подсохшие кровинки на лицевых складочках. "Вот таким же окровавленным будет Его лицо, когда ты будешь готовить Его к погребению." От

ужаса, медной ледяной змеёй стиснувшей её сердце, Мария вздрогнула всем телом. «Тсссс, тихо, тихо, тихо, всё хорошо…» – Иосиф сильнее стиснул жену в объятиях и погладил по голеням.

Согревшаяся и разомлевшая Мария задремала.

Снаружи послышался гвалт голосов, замерцали огоньки факелов. К пещере приближалась толпа людей. Насмерть перепуганная Мария, поплотнее прикрыла Первенца одеждами и притиснула к себе. Пробудившийся Иосиф встал, и взяв в руки тяжелый, прочный суковатый посох, заслонил их собой от входа.

В пещеру ввалились трое странно одетых стариков с длинными белыми бородами, сопровождаемые до зубов вооруженными слугами и молодым иудеем переводчиком. Держа перед собой отделанные золотом шкатулки, они направились к Иосифу. Муж чуть присев весь напрягся, стискивая посох в побелевших от напряжения кулаках.

«Шалом» – обратился молодой иудей к Иосифу, «не бойтесь. Мы не причиним вам зла. Просто эти знаменитые маги утверждают, что где-то здесь, только что, родился Царь царей, самый величайший Кесарь всех времен. А хозяин гостиницы сказал, что твоя жена рожает… Вижу, уже родила… Так что они просто глянут на твоего», молодой иудей ухмыльнулся, «Наследника, и убедившись в своей ошибке, пойдут искать дальше».

Иосиф нехотя немного посторонился. Мария приоткрыла лицо Первенца. Проснувшийся младенец, улыбаясь, смотрел на длиннобородых стариков сквозь мутноватую родильную плёночку.

Внимательно, затаив дыхание рассмотрев Первенца, старики радостно загалдели, и повалились прямо в перемешанную со скотским дерьмом грязь, ниц перед Марией, вытянув перед собой шкатулки.

Как же помогли тогда эти сокровища в спасении их жизней, когда им пришлось бежать в Египет, спасаясь от безумной, бессмысленной бойни устроенной Иродом.

Глоток 28.

Женщины работали быстро. Без суеты. Их кроткие осунувшиеся лица были предельно сосредоточены. Летучими ласковыми движениями, легко и сноровисто переворачивая безжизненное тело, они омыли Спасителя. Быстро раскатали ткань и перевалили на неё тело. Нанеся ладонями благовония, расчесали волосы головы и бороду. Аккуратно приложив на затылок сорванную терновым венцом кожу, обмотали голову небольшим лоскутом дорогой тонкой ткани. Затем быстрыми массирующими движениями нанесли благовония на тело. Раскатав от ног к голове вторую половину холста, накрыли тело спереди, завернув ткань за голову. Перевязали тонкими шнурами тело: на шее, щиколотках и по поясу.

Валлий наблюдал внимательно: "Удивительный народ. Где ещё есть такие женщины, способные не сломаться от пережитого горя, не впасть в истерику или отупение, и с неизвестно откуда взявшимися силами покорно исполнять свои обязанности, полностью сосредоточившись на любимом человеке… Нет во все времена мира, ни в каком другом народе, мужчина не найдет себе жены лучше жен рождаемых женщинами этого народа."

Вернувшийся от предполагаемого захоронения Корнилий, подойдя сзади к сотнику, доложил говоря ему через плечо: «Годится. Лучшего места не найти».

Повернувшись к подошедшим к нему палачу и переводчику, облегчённо: «Ну вот, хвала Юпитеру, всё и закончилось. Без происшествий». Ухмыльнувшись: «Великий Иудейский Царь тихо и спокойно умер. Благополучно закончился Последний День этого Человека».

Глоток 29.

Начавшийся в притихшем вечере дождь зажег над Городом райскую арку радуги. "Я так хотел научиться у Него всему! А Он ушел! Я ничего не успел!", Иоанн смотрел на заходящее, ещё не закрытое тучей солнце, сквозь слёзы и плавно падающие капли дождя. "И я никогда не смогу повторить ничего из того, что умел Он! Не смогу ничего! Я никто! Вся моя жизнь отныне пуста! После тех светлых высот на которые Он меня поднимал, мне всю жизнь придется ползать в темноте

и холоде! И мне ничего не остается другого, как только смириться с этим! Как и Он смирился с той неизбежностью, которая произошла с Ним! Покориться воле Создателя! Да не моя воля будет Господи, а Твоя!"

Внутри Иоанна хрустнув сломалась и рассыпалась в прах ледяная ветка Гордыни. И хлынул свет Любви, осветивший и согревший замерзающее Сердце. Чистый, белый свет преломившись на рассыпавшихся льдинках переливался в душе Иоанна всеми цветами Радуги: Сын Божий, Учитель, Жених, Целитель, Садовник, Первосвященник, Царь!

Иоанн рассмеявшись, поднял руки ладонями вверх: «Да вы правы сегодня последний день этого человека, но послезавтра мы увидим его снова! Мы все увидим его того же самого, но Нового Человека! И сломавшийся на Нём и через Него старый мир, станет Новым Миром!»

Валлий толкнул стоящего рядом Корнилия: «Рот закрой, чего ты так на него вылупился?!»

«Брррр!» – потряс головой Корнилий, «мне почудилось, что это тот назареянин стоит и говорит, а ведь они не похожи совсем. Вот уж действительно *Le Roi est mort, vive le Roi! *(фр.). А ещё говорят, что сумасшествие не заразно…»

«А это, ты на каком сейчас сказал?!» – подпрыгнул к нему переводчик.

«Да не знаю я! Само вырвалось опять».

«Всё! Выдвигаемся! Пока нас дождём отсюда не смыло» – Валлий коротко рубанув рукой, дал сигнал к отправлению,

«Корнилий, веди. Я дам указания конным и догоню».

«Я пожалуй с ними, опечатаю захоронение» – палач и подмастерье равнодушно кивнули переводчику , «не нравится мне всё происходящее. Как бы на самом деле, предсказания Апполинария не оправдались».

«И то верно» – кивнув, согласился Корнилий, «*БЕРЕЖЁННОГО БОГ БЕРЕЖЁТ!*(русс.)».

Переводчик скрипнул зубами. Палач с подмастерьем побрели в сторону Города, накинув новые мешки на головы.

ВЫХОД

Глоток 30.

Перерывчик шестой.

Пересмотрел картинку. Всю. Так и эдак. По мастерской походил. Ну, так…, более-менее стало. Порядок немного навёл. От полуночной ледяной стороны свет от иконостаса исходящий защищает. Голуби слышно как возятся на чердаке. Хотя и нетопырей ещё по закуткам хватает, хватает. И пауки вон, где потемнее. Но всё-таки, всё-таки. Лисёнок вон у печки пригрелся, посапывает, хвостом укрывшись. Печка получше греть стала, тягу пробило от сажи, как начал её не только мусором, а и дрова и уголёк. Потрогал, аааа, горячо! Батя сложил, золотые руки! Ещё раз картинку посмотрел. Не.., ну надо уже идти сдаваться. Вздохнул решительно. И к двери на полуденную сторону. Открыл. Вышел. Жда-

ли меня. Батя с метлой и лопатой стоит, порядок на Дворе наводить собрался, мама с двумя вёдрами полными, воду в Дом несла. Опустила, чтоб руки не тянули. Смотрят на меня. Закрываясь левой рукой от нестерпимого жара, протянул правой картинку бате. Рассматривает…, то наклонит туда, то сюда…, понюхал зачем-то. Мама тоже подошла, взяла его под руку, вместе рассматривают. Обнять бы их, да не дотянешься хоть и кажется, что вот рядом. Нет не рядом. По ту сторону Перехода. Ну, маме то нравится, тут без вопросов, а вот батя…, не поймешь. Все силы собрав, в сторону Дома глянул. Такой комок вспух в горле, задохнусь сейчас, даже в ушах зазвенело. Вон они в окошке младшенькие мои…, одна нерождённая, а вторая и два месяца не пожившая, братьев моих старших за рубашки дёргают, на меня показывая, и мне ладошками машут…, мерзавцу.

–Ладно. На, мать, сойдёт. Можешь в Доме на стенку. Всё равно только свои увидят —отдал маме картинку.

–Ну чего сойдёт, чего сойдёт… Ну, ты чего отец к нему так?…

–А как к нему ещё оболтусу эдакому?!

–А чей он сын?! Только мой что ли?! Без твоего участия его родила и вырастила?! Ты сам как жил?! А?! Забыл?! Только перед самым переходом за ум взялся! Вот и подумай в кого он!

–Ну ладно, ладно, расшумелась… – забрал картинку у мамы, – да ну так-то вроде б ничего. Не всё только тем, что из

носа и ушей наковырял. Вон и кровь есть, и слёзы. А то вон тут недавно один деятель подогнал своим предкам картинок из пятидесяти оттенков того, что он из задницы наковырял состоящих, как только с полуночной стороны их ветром нагонит, да начнут они гореть здесь в Пограничье, такая вонища жареным говном!

Захохотал. Охнул. Мама его локтем под бок… И мне:

–Ты это сынок, сюда к нам не торопись…, ага, вот…, а то нехорошо это. Сам же понимаешь, что только Он решает: когда, кому, куда, зачем и за что. Так что, пока можешь и по своим силам конечно, постарайся там у себя побольше от мусора почистить. Доча там у тебя с внуком опять же… О них ещё думать-заботиться надо. За девчонок своих не переживай больно то, они тут у матери под присмотром как у Христа за пазухой, сам же знаешь она у нас и там то всю жизнь как ангел прожила, а уж тут то… И это, если сможешь, ту грязь, что я оставил…, ну если получится, а то ведь и пожил то, по-людски, всего немного. Перед самым переходом, когда старостой церковным… Ну ладно всё, беги уже, а то дымишься весь, того и гляди мозги сгорят.

Всё. Не прощаясь бегом к двери. Заскочил. Захлопнул. Пар от меня будто из бани на мороз. Лисёнок подбежал, обнюхивает меня. Ладно, ладно успокойся, со Светлой я, не с Полуночной стороны; нет на мне змей: ни снаружи, ни внутри. Погладил его, за ушами почесал, голова вся в шрамах…, от меня…, руки мне лижет…, и как простил то меня. Всё

убежал опять к печке поближе, улегся, голову на лапы, за мной наблюдает. Так посмотрим, что тут у меня ещё. И вот спрашивается, на какой я их сразу столько наоткрывал?! По всем углам начатые картинки рядом с коробками. Коробки шевелятся, шуршат, где потише, а где и ходуном ходят. Прошёлся посмотрел. Ну, красота конечно! Красота! Особенно салемские ведьмы и Мамаша Кураж, ажно руки зачесались, перчатки одеть и вперёд и с песней! Как батя любит приговаривать. Но нет, нет, нет, нет! Передохнуть надо. Лисёнку еды пока что навалом. Вон за ширмой у самой полуночной обледенелой стенки, картинка "Седьмая Галактика. Сверхновая." от всех, и от себя самого запрятанная; постоянно оттуда змеи ледяные выползают. Лисёнок только успевает их хрумкать. Потом поближе к печке и переваривает их. Довольныий. Прям улыбается.

Так… Угу… Что у меня тут на стеллажах из готовых картинок. Так не то, не то… Да твою ж…, а эти исходники как у меня здесь оказались??!!! Подальше их засунуть, подальше! Так вот есть. Нашел. "Гаргантюа и Пантагрюэль." Пойду полюбуюсь, отдохну малость.

Дубликат этой картинки; оригинал то бате отдал; пусть пока на верстаке постоит. Потом свежим взглядом, может ещё чего подправить и можно уже будет на стенку.

Эпилог.

Дождь хлынул сплошным водопадом. Валлий с пешими

легионерами поспешно двинулся вслед за далеко ушедшим конным разъездом, сопровождающим медленно бредущую повозку с телом Спасителя. Быстро догоняя строй уставших солдат, сотник оглянулся и замер. Маленький иудей не спешил вслед за своим учителем, суетливо перемещаясь вокруг своей повозки, он помогал рабам укладывать выкупленные им орудия казни. Перед глазами ошеломленного Валлия возникло видение, что казалось бы зря потраченное Пучеглазым золото, обернётся очень выгодным вложением. Приобретение им никому не нужных гвоздей, деревяшек, тряпок и верёвок, более-менее ценным из всего хлама было копьё Корнилия и инструменты палача, станет в будущем божественной защитой для всего его потомства. Сказочно разбогатевший род маленького иудея, опасаясь пришедших к власти последователей назареянина, перевезёт реликвии на север метрополии, где среди всегда заснеженных гор, у озера небесной чистоты надёжно запрячет их на долгие столетия. И эта маленькая страна из века век освящаемая кровью Спасителя мира, будет жить в мире и процветании. Вокруг будут возникать и распадаться империи, возрастать и изчезать народы, а жители этой страны, руководимые родом Пучеглазого иудея достигшего небывалого в истории человечества тайного мирового могущества, будут жить в сытости и спокойствии.

ОЧИСТКА

Послесловие.

Совет начинающим литераторам.

"Тем, кто только начал своё писательское творчество посоветую лишь одно: никогда не спрашивайте мнения о своих трудах ни у маститых писателей, ни у критиков. Так как и те и другие постараются смешать ваше дело с дерьмом. Первые из нежелания двигаться в своей славе на литературном Олимпе, вторые из зависти от своей несостоятельности. Какое-то значение для вас может иметь мнение тех, кто вам близок и дорог. Но и оно второстепенно. Самое главное, чтобы ваше дело нравилось вам самим, и вы получали удовольствие от процесса и радовались результату. Ну и будьте готовы к тому, что сделанное вами дело, такое милое для вас, будет отвергнуто всем миром."

(Эрнест Хемингуэй, вроде как, не знаю насколько точно)

От автора:

Прежде всего, прошу прощения у моих родных, за возможные последствия своего дела. Год назад когда Господь Мой Иисус Христос, спас мою раздираемую демонами душу, незаслуженно, только лишь по Милости Своей, я начал постоянно думать как бы послужить Ему, как бы рассчитаться, отплатить что ли. Как будто можно дать Ему что-то взамен того, что ценнее всех богатств Вселенной, и что Он дает нам даром только из Своей Любви и Милосердия.

Все эти мысли бродили во мне, и опасаясь как бы не со-

рвало крышу я решил немного сбросить давление.

Для тех, кто не знает, я вырос в деревне. Мой отец, Царство ему Небесное, был любитель выпить. А поскольку, хотелось ещё и сэкономить на этом деле, часто ставил брагу, для дальнейшего перегона её в самогон. К чести его сказать, до самогона брага доживала редко, почти всегда выпивалась вживую. Но иногда случалась такая история. Про брагу, стоявшую в молочном бидоне, родители в силу разных причин забывали. Дело в том, что время от времени надо было открывать плотно закрытую крышку и сбрасывать созданное брожением давление. Если это дело проворонить, то при открывании перебродившая брага вскипала от попавшего в неё кислорода и пеной выходила наружу почти полностью.

То же самое случилось и со мной. Видит Бог, я лишь хотел немного проветрить мозги, маленький рассказик, чисто для себя. Приоткрыл, потом попытался обратно закрыть… Не тут-то было. Из меня попёрло весёлой хмельной пеной. А потом меня торкнуло и стало всё пофиг.

Всю эту стряпню я наковырял, изредка вытаскиваемым из носа, правым указательным пальцем; тыкая им в экран старенького айфона, подаренного мне моей дочей.

Сейчас сознаю, что своими действиями, возможно, принесу неприятности моим родным. И самое главное себе любимому. Но поступить иначе не могу. Нельзя. Не по-христиански это. Особенно переживаю за то, как отнесется к моему делу моя истерзанная, одеревеневшая, отупевшая от страда-

ний Родина.

Ох, Русь моя, боль моя, мать моя суровая и неласковая к своим сыновьям, прости нас грешных, недостойных твоей Любви. Ибо каждый из нас, даже самый последний мерзавец не желающий этого признавать, знает, что любим тобою той же Любовью, какой любит Мать своего Иисуса.

Ещё раз к своим родным: простите меня ради Христа.

(попросил бы на коленях, но не смею… не заслужил, а впрочем, только Сам Спаситель решает кто заслужил и чего)

Постскриптум: тем, кто как ранее и я, замерзает в мрачном ледяном аду Греха, искренне, от всего сердца желаю, держитесь, не уподобляйтесь Предателю. Знайте, придёт Спаситель! Не медлит Господь! И не вечно гневается, ибо Любит Миловать! Только, чтобы не случилось, Терпите, Верьте, Надейтесь! И самое главное помните: не ждите ничего извне, не знаю как к праведникам, но к нам мерзостным грешникам, отогревающая и спасающая нас Любовь Отца Небесного приходит только изнутри! И никак иначе!

Вот написал и думаю. Ой! Ой! Ну как красиво. Ну, прям новоявленный…, ну сами понимаете. А на самом-то деле ссыкун ещё тот!!! С самого детства! И в школе то сначала на одни пятёрки учился только по причине страха, в первых классах перед учительницей, а потом перед батей. Потом конечно в старших классах борзел и бате приходилось меня на

место. Иногда. А в большинстве случаев хватало мамкиного:

–Вот возьму и всё отцу расскажу!

И всё!, жиденькое и вонючее потекло, как тогда в детском садике на прогулке, когда до группы не дотерпел, чтобы на горшок, а в уличный туалет страшно было, вдруг в дырку провалюсь!!! А мамке сколько жаловался! Чуть кто обидел и сразу к юбке. Она же защитит! Даже от бати! Он так и говорил:

–Ничего путного из него не выйдет!

Ну и прямо в точку. Не в бровь, а в глаз! А уж если соседский пацан обидел, то тут уж стопроцентно наябедничаю. За мамкой спрятавшись, когда она этого пацана ругает, ему ещё и язык покажу, а он мне кулак втихаря. Поймаю мол. А я сразу, вот сразу же, скорей, скорей, мамку за подол дергать:

–Мам!!! Мам!!! Он мне кулак показал!!!

А мамка ему:

–Ах ты, такой сякой! Только тронь хоть пальцем! Всё твоему отцу расскажу!

Смотрю…, пацан от ужаса белый весь…, по ходу сейчас и описается и обкакается… У него батя мамку поленом недели две назад чуть до смерти не забил, а он в это время под кроватью… А через два дома от нас батя совсем крутой был. Как напьётся, семью выстраивал вдоль стены бревенчатой, и из ружья охотничьего. То ли попадёт, то ли не попадёт… А наутро рубаху на себе рвёт и волосы клочками, не на коленях, нет, на брюхе перед женой и детьми как разрубленный

дождевой червяк извивается, и землю жрёт! Реально!

Так вот и живём…

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.